

Трумбулл Хиггинс Гитлер и стратегия блицкрига. Третий рейх в войне на два фронта. 1937-1943

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610785

*Гитлер и стратегия блицкрига. Третий рейх в войне на два фронта. 1937-1943: Центрполиграф;
М.; 2009*

ISBN 978-5-9524-4564-2

Аннотация

Подробно рассматривая план по стремительному захвату СССР и его крушение, Т. Хиггинс, известный американский историк, рассматривает ряд причин его провала. Основываясь на подлинных документах, дневниках, письмах и мемуарах военных деятелей – Гальдера, Еременко, Хойзингера и других участников событий, Хиггинс делает вывод о том, что Гитлер и Сталин, являясь несомненными лидерами внутри своих стран, во внешней политике допускали большие просчеты. Об этом свидетельствуют сталинские репрессии, обескровившие Советскую армию, и отход страны к изоляционизму 1939–1941 годов, ослабившие позицию СССР на мировой арене. А также постепенный уход Гитлера от реального видения событий и нежелание хоть в чем-то изменить свои планы.

В книге представлены и причины затягивания союзниками открытия второго фронта, и их политика в отношении нацистской Германии и Советского Союза.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Трумбулл Хиггинс

Гитлер и стратегия блицкрига. Третий рейх в войне на два фронта. 1937-1943

Памяти Мэри Пинчот Мейер

Только война с Россией есть война революционной Германии, война, в которой Германия может искупить грехи прошлого, обрести зрелость и освободиться, освободив других.

Маркс и Энгельс, 1848 г.

Потому что именно на востоке лежит наше будущее, и мы оттесним силу и влияние России за те границы, от которых, только благодаря слабости и разобщенности прежних времен, она сумела продвинуться так медленно и так уверенно, <...> чтобы работать на нашу погибель.

Император Франц-Иосиф

Я ненавижу славян. Я знаю, что это грех, <...> но просто не могу сдержаться.

Кайзер Вильгельм II

Мы завершим бесконечное стремление немцев на юг и на запад Европы и устремим свои взоры на восток. <...> Если говорить о новых территориях в Европе сегодня, можно иметь в виду только Россию и граничащие с ней вассальные государства.

Гитлер, 1924 г.

Предисловие

Во время сравнительно мирного периода, когда в открытых обществах Запада генералы автоматически считаются ошибающимися, и немецкие генералы в особенности, удобно обращаться к такой теме, как стремление Гитлера покорить Советский Союз. Здесь, по крайней мере, общественность Запада может согласиться, что таким общепризнанным монстрам в области государственной политики, как Гитлер и Сталин, возможно, несколько не хватало стратегических талантов. Хотя, конечно, было бы слишком смело ожидать аналогичного признания военной неполноценности политических героев Запада.

То, что Черчилль некогда именовал главными и решающими фронтами войны, обычно имело плохие отклики в прессе. В действительности люди чаще ненавидят войну за горькие истины, которые она обнажает, чем за ее слишком уж очевидное зло. Но в войне, как и в любом другом аспекте социальной жизни человека, некоторым армиям и некоторым генералам приходится выполнять грязную работу – наносить поражение главным силам противника и платить высокую цену за такие трудные победы человеческими жизнями и материальными ресурсами. Можно не сомневаться, что имена таких командиров – это скорее Грант, чем Шерман, Блюхер, чем Веллингтон, Жуков, чем Эйзенхауэр. Тем не менее неопровержимым остается тот факт, что во Второй мировой войне Восточный фронт был главным и решающим театром военных действий против немцев, театром, на котором, как и в 1914–1918 годах во Франции, был переломлен хребет немецкой армии.

Помимо рассмотрения причин и развала бесславного крестового похода Гитлера на Советский Союз, автор затрагивает и два известных провала коалиции союзников против нацистской Германии: катастрофический советский отход к изоляционизму 1939–1941 годов и тесно связанную с ним тему сравнительного бессилия Запада в сухопутной войне до 1944 года. И хотя повествование не претендует на исчерпывающую полноту в части исходных данных, особенно с советской стороны, материалов, касающихся периода после завершения великой Сталинградской кампании в 1943 году, еще меньше у всех воюющих сторон. Поэтому предлагаемая читателю оценка великой стратегии завершается окончательным крахом попытки Гитлера покорить Советский Союз в феврале 1943 года.

Автор хотел бы выразить свою бесконечную признательность за помощь в работе сотрудникам исторических подразделений кабинета министров в Лондоне и Государственного департамента в Вашингтоне, национальных архивов и, в особенности, ведомства военной истории американской армии. Я также благодарен ученым, которые нашли время прочитать мою рукопись и высказать критические замечания, выказав рвение и преданность делу, которые могут объясняться только исключительной важностью темы.

Т. Х.

Глава 1

СТРАСТНАЯ ДРУЖБА

1918 г. – 3 сентября 1939 г.

Фашизм одерживает победу за победой и находит свою главную поддержку... в сталинизме. Страшные военные опасности стучат во все двери Советского Союза, и Сталин выбрал этот момент, чтобы разрушить армию и раздавить нацию.

Троцкий, 1938 г.

Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать теперь, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на востоке, дешевле уступят на западе, а кстати, и советская власть полетит. Воюйте, любезные «союзные» большевики, мы вам поможем.

Ленин, 1918 г.

Вы знаете, что я как странник, который должен пересечь бездну по острию ножа. Но я должен, я просто должен.

Гитлер, сентябрь 1939 г.

Таким образом, факт заключения договора с Россией воплощает в себе объявление следующей войны. Ее исходом станет конец Германии.

Гитлер, 1924 г.

В 1915 году, впечатляющем году первых немецких побед Первой мировой войны в Польше, генерал Ганс фон Зект, словно используя язык будущего фюрера, писал: «Сепаратный мир с Францией и Бельгией на основе *status quo*. Затем все наземные силы против России. Покорение двадцати тысяч километров, изгнание населения, кроме, конечно, немцев... У нас есть силы сделать это, и мы втянуты в ситуацию, которая в части крови и разрушений оставит *Völkerwanderung*¹ далеко позади, поэтому давайте и вести себя по обычаям периода *Völkerwanderung*».

Пятью годами (изрядно поспособствовавшими исчезновению всяческих иллюзий) позже Зект, теперь руководитель военного управления – тайного преемника немецкого Генерального штаба, запрещенного Версальским договором, писал: «Только в тесном сотрудничестве с великой Россией у Германии есть шанс восстановить свое положение как мировой державы... При этом не имеет значения, нравится нам или не нравится новая Россия. Наша политика должна быть одинаковой по отношению к царской России или государству под управлением Колчака или Деникина». А в 1922 году в официальном меморандуме немецкого канцлера Зект провел свою новую и более сдержанную точку зрения, объявив: «Восстановление широкой общей границы между Россией и Германией есть предварительное условие обретения заново сил обеих стран. Россия и Германия в границах 1914 года! Это должно стать основой достижения понимания между двумя странами». Четвертый раздел Польши теперь стал кульминацией имперских мечтаний все еще слабой Германии, и при этих усло-

¹ Великое переселение народов (нем.). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

виях традиционное прусское дружелюбие по отношению к своему великому восточному славянскому соседу автоматически подтверждалось заново.

Лидеры нового большевистского режима в России определенно не испытывали особых иллюзий по поводу столь радикального сдвига в немецкой политике. Когда весной 1918 года генералы Макс Хоффман и Эрих Людендорф навязали грабительские условия Брест-Литовского мира, лишив Советскую Россию почти половины ее производственных ресурсов, Ленин сдержал яростный протест против таких условий в рядах его собственной большевистской партии, заявив: «Политика революционной фразы должна быть кончена... Армия изнемогла, армия жаждет мира, на фронте идет стихийная демобилизация. Нужна передышка, нужен отдых для подъема масс». При этом Ленин признавал, что мирная передышка, скорее всего, будет короткой и необходимо готовиться к борьбе. С таким же реализмом тремя годами позже, в декабре 1920 года, Ленин сделал вывод, что Германии нужна месть, а России необходима революция. Пока цели совпадают. Когда же пути разойдутся, немцы станут самыми яростными и непримиримыми врагами русских. А что именно поднимется на руинах Европы, германское господство или коммунистическая федерация, покажет время.

Если после 1918 года Дэвид Ллойд Джордж больше всего боялся, что «страстная дружба» Германии и России даст большевикам средства к достижению мирового господства, Ленина в то время заботило, что благодаря молчаливому пониманию западные державы предпримут совместное с Германией предприятие против пока еще непрочного Советского государства. Конечно, ярому противнику большевизма генералу фон дер Гольцу потребовалось удручающе много времени, чтобы отказаться от немецкого контроля за балтийскими государствами после поражения Германии в 1918 году, и влиятельные фигуры во Франции и Германии, такие как маршал Фердинанд Фош и генерал Макс Хоффман, выступили за совместное предприятие против того, что они, как и Уинстон Черчилль, в то время британский госсекретарь, считали коммунистической чумой на востоке. Однако мы видели, что послевоенная политика фон Зекта отбросила стремления романтиков правого крыла немецкой армии, таких как фон дер Гольц, и что именно в сотрудничестве со своим собратом по несчастью – такой же жертвой Версальского договора – СССР Зект видел возрождение силы Германии за счет Польши.

После завершения русско-польской войны в марте 1921 года Ленин официально обратился к немецкой армии за помощью в реорганизации и модернизации Красной армии. Зект оперативно создал организацию в рамках немецкого военного министерства, которая занималась разработкой программы обучения и промышленного производства для немецкой армии в России. Начиная с 1922 года и до прихода Гитлера к власти немцы обучали красноармейцев использовать танки, отравляющие газы и самолеты и в процессе этого разрабатывали более современную материальную часть для себя, причем на советской территории, вдали от глаз вездесущих версальских инспекторов. До 1931 года немецкий военный атташе в Москве полковник Эрнст Кестринг мог докладывать домой, что «наши взгляды и методы проходят через их взгляды, как красная нить».

В мае 1933 года, через несколько месяцев после назначения Гитлера рейхсканцлером, в Москву прибыла делегация высокопоставленных чинов немецкой армии. Ее приветствовал советский комиссар обороны Клим Ворошилов, высказавший надежду, что узы, связывающие армию Германии и Красную армию, останутся нерушимыми. Однако по приказу Гитлера летом и осенью 1933 года советско-германское военное сотрудничество прекратилось, и, к нескрываемому сожалению Ворошилова и его заместителя, генерала М.Н. Тухачевского, все немецкие базы на территории СССР были ликвидированы.

В марте 1933 года генерал Тухачевский не умерил своих стараний, выразив благодарность немецкой армии за «решающую» помощь Красной армии. Годом позже на традицион-

ном банкете в честь годовщины Октябрьской революции пылкий нацист, военный министр Вернер фон Бломберг в последний раз произнес тост за Красную армию. Договор *de facto*² Веймарской республики и России был наконец прекращен, и, несмотря на предостережения Верховного командования немецкой армии, гитлеровский рейх стал на фатальный путь Второго рейха, по которому он следовал после увольнения Бисмарка в 1890 году.

Осенью 1936 года отношения между нацистской Германией и Советским Союзом достигли самой низкой точки за весь межвоенный период. На съезде нацистской партии в Нюрнберге 12 сентября 1936 года Гитлер заявил: «Если бы мы имели в своем распоряжении неисчислимые богатства и природные ресурсы Уральских гор, а также бескрайние плодородные равнины Украины, <...> под руководством нацистской партии наш немецкий народ купался бы в изобилии». Пятью днями позже маршал Ворошилов в Киеве заверил украинцев, что Красная армия будет готова в любом месте и в любое время, когда ему вздумается обратить свои безумные атаки на советскую территорию.

В действительности советский режим был куда менее уверен в своей способности противостоять быстро растущему могуществу нацистского рейха, несмотря на утроение производства танков и самолетов за период 1934–1937 годов и почти такое же увеличение выпуска артиллерийских орудий и винтовок. Как заявил в своей речи в Академии вермахта в 1937 году немецкий посол в России граф Фридрих фон дер Шуленбург, в основе советской политики лежат два убеждения: первое – что поражение царской России в Первой мировой войне стало следствием отсутствия соответствующей военной промышленности, второе – что русские и уважают, и боятся «вселяющего страх могущества немецкого народа». Далее Шуленбург предупредил, что сомневается в способности идущих чисток советского Верховного командования нанести ущерб военной мощи русских надолго, хотя, конечно, они временно ослабят СССР.

Объяснения беспрецедентного «кровопускания» внутри советского офицерского корпуса в 1937–1938 годах даются разные. В любом случае тем или иным наказаниям подверглись около половины офицеров советской армии – от казни до разжалования и заключения под стражу. Среди них следует отметить трех из пяти маршалов, большинство генералов и, что самое трагичное, почти всех офицеров, имевших бесценный опыт недавних войн в Испании и на Дальнем Востоке. Одновременно возродился введенный от безысходности революционный аппарат времен Гражданской войны в России – назначение во все военные подразделения политических комиссаров для контроля над командирами.

После знаменитой речи Никиты Сергеевича Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году советское правительство больше не говорило о личной вине казненных и разжалованных офицеров. В течение нескольких лет многие крупные военные фигуры, начиная с маршала Тухачевского, были реабилитированы посмертно или выпущены из лагерей. Кстати, многие были освобождены еще при Сталине и успели принять участие во Второй мировой войне. Вероятнее всего, большая чистка могла начаться при подстрекательстве злого гения нацистской партии Рейнхарда Гейдриха (который сфабриковал свидетельства продолжающегося сотрудничества между немецким и советским Генеральными штабами). Однако довольно скоро и Сталин, и Гитлер увидели в этих предполагаемых свидетельствах возможность устранить противников в рядах своих генералов. В 1944 году, после неудачного покушения на свою жизнь, Гитлер жестоко пожалел о том, что не подверг свой офицерский корпус чистке перед войной, как это сделал его советский противник. К несчастью для фюрера, запоздавшая чистка 1944 года напрямую повлияла на ход военных операций.

Вероятно, самым серьезным последствием советских чисток, которые вскоре были с революционным и самоубийственным эгалитаризмом расширены на все основные обла-

² Фактически (лат.).

сти советского общества, было то, что зарубежные страны в дальнейшем имели тенденцию недооценивать продолжающие увеличиваться ресурсы советской военной машины. В итоге ни французское, ни британское правительство, ни Генеральные штабы этих стран не были склонны принимать всерьез перспективу альянса с Советским Союзом, да и немцы не слишком опасались возможных советских контрмер, во всяком случае на протяжении ряда лет. По словам главнокомандующего французской армией генерала Мориса Гамелена, которые отражали популярное на Западе мнение в тот момент, «у старой русской армии теперь есть материальная часть. Но что можно ожидать от этой армии после того, как ее генералов и офицеров предавали смерти тысячами». От явной переоценки царской России в 1914 году политически консервативные генералы французской армии перешли к очевидной недооценки коммунистической России в 1938–1939 годах, причем последствия этого для Франции были еще более бедственными.

Хотя в 1934 году после смерти Гинденбурга Гитлер, приняв на себя обязанности президента Германии, потребовал от офицерского корпуса Германии принести ему клятву верности, до 1938 года, как сказано в послевоенном свидетельстве фельдмаршала фон Бломберга, у офицеров и так не было причин выступать против Гитлера. Одновременно со своими многочисленными публичными признаниями в стремлении к миру фюрер реализовывал широкомасштабную программу вооружения и роста вермахта, что отвечало самым сокровенным желаниям немецких военных лидеров. После губительно легкой оккупации Рейнской области в марте 1936 года Гитлер ускорил реализацию программы перевооружения Германии значительно больше, чем хотелось бы его консервативным сторонникам. В августе 1937 года он принял отставку министра экономики Шлахта, чтобы позволить Герману Герингу провести реорганизацию государства и создать к 1940 году военную экономику. Тем не менее, несмотря на цветистые угрозы свиноподобного шефа люфтваффе пожертвовать маслом ради пушек, к 1940 году Геринг на практике произвел подготовку только к ограниченной войне. Эта ограниченная война основывалась на политически популярной программе подъема жизненного уровня населения вкупе с опасно скромной программой вооружения, во всяком случае для требований всеобщей, тотальной войны.

К 5 ноября 1937 года, параллельно с решением начать строительство Западного вала в Рейнской области, чтобы обезопасить себя от возможного нападения французов, Гитлер бросал все более нетерпеливые взгляды на восток, стремясь добиться, как он утверждал, в лучшем случае временного превосходства рейха в вооружении. К ужасу армейской части его избранной аудитории, Гитлер утверждал, что его цель — определить, где Германия может «завоевать больше, заплатив самую низкую цену». Если цели фюрера все еще зависели от недорогой войны, Гитлер назвал 1943–1945 годы последней датой завершения его программы завоеваний; после этого срока Германия могла ожидать только изменений к худшему в своем положении относительно потенциальных противников. Гитлер предвидел, что англичане, также как и, вероятнее всего, французы, уже молча списали со счетов Чехословакию, а любую военную помощь чехам со стороны СССР, хотя она является маловероятной из-за японской военной угрозы на Дальнем Востоке, можно предвосхитить скоростью немецких военных операций в Богемии.

Каким бы ни был смысл этой широко обсуждаемой речи, записанной полковником Хоссбахом из личного военного штаба Гитлера, она огорчила не только военную часть аудитории, но также гитлеровского министра иностранных дел барона Константина фон Нейрата, который являл собой нечто вроде дипломатического фасада, уцелевшего с куда менее агрессивных времен Веймарской республики. При поддержке главнокомандующего армией генерала Вернера фон Фрича и начальника штаба армии генерала Людвига Бека Нейрат жаловался, что вся его внешняя политика вытеснена программой, которая, как были убеждены осторожные генералы, вовлечет Германию в большую войну раньше, чем будет завер-

шено ее перевооружение (то есть в 1943–1946 годах). В январе 1938 года Нейрат встретился с Гитлером и сказал ему, что, если тот будет и далее проводить свою новую политику, ему придется найти себе нового министра иностранных дел для ее претворения в жизнь.

Гитлер, уже давно мнивший себя «великим стратегом нового типа, будущим величайшим военачальником, значительнее которого еще не знала история», решил не просто сделать то, что посоветовал Нейрат, но и избавиться заодно от пессимистов из Верховного командования армии. Поэтому 4 февраля 1938 года Гитлер объявил, что отныне и впредь будет «лично осуществлять непосредственное командование всеми вооруженными силами». И он не только уволил Фрича и Бломберга по вымышленным или сфабрикованным обвинениям, но и принял на себя обязанности военного министра, как и его будущие великие соперники во Второй мировой войне Уинстон Черчилль и Иосиф Сталин, и прямое командование над армией, авиацией и флотом.

Поскольку Герман Геринг, теперь ставший фельдмаршалом, и гроссадмирал Эрих Редер, командовавший военно-морским флотом, были весьма сговорчивыми подчиненными, фюреру оставалось только найти преемника для Фрича. Им стал весьма нерешительный субъект генерал Вальтер фон Браухич, занявший пост командующего армией. Чтобы усилить влияние Гитлера на стратегию, командующим только что созданным *Oberkommando der Wehrmacht* (OKW) – ОКВ – органом, призванным заниматься планированием взаимодействия между родами войск, – был назначен еще более раболепный армейский офицер. Речь идет о генерале Вильгельме Кейтеле. Начальник штаба ОКВ генерал-майор Альфред Йодль был тоже страстным поклонником фюрера, но человеком значительно более умным и сообразительным, чем Кейтель.

После некоторых колебаний, благодаря вмешательству генерала Йодля, Людвигу Беку было позволено остаться на должности начальника штаба армии. Вероятнее всего, так получилось в основном из-за большого недоверия Гитлера к его вероятному преемнику Францу Гальдеру – римскому католику, что, по мнению фюрера, было грехом почти таким же отвратительным, как преданность Бека более традиционным лютеранским ценностям прусского Генерального штаба. Более того, Гитлер имел веские основания с неприязнью относиться к офицерам, которые, как он сказал позже, имели «преувеличенно теоретические мозги». Поэтому он с удовлетворением следил, как Йодль создает свой оперативный штаб, как средство принижения армейского Генерального штаба до еще более низкого, хотя и не тайного, статуса, до которого он был повергнут диктатом Версаля. С другой стороны, как и Фрич, меланхоличный Бек выказывал не больше веры в такие революционные тактические инновации, как танковые дивизии, к коим были благосклонны все нацистские генералы, чем в революционные методы фюрера в политике и стратегии.

Когда чистка министерства иностранных дел и Верховного командования армии была практически завершена, Гитлер наконец оказался в ситуации, когда мог сделать политически популярный шаг – аншлюс Австрии. Это было сделано в марте 1938 года с применением лишь угрозы силы, вопреки растущему противодействию многих высокопоставленных офицеров такому повороту событий. Нервный шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис выразил именно такое мнение, когда приветствовал своего австрийского коллегу словами: «Но почему же вы, парни, не стреляли? Тогда бы капрал [Гитлер] понял, что все не может идти так вечно. Как еще можно вразумить человека?» В Генеральном штабе бывшего капрала сравнивали со шведским королем Карлом XII, безрассудным монархом XVIII века, в конце концов уничтожившим имперские притязания Швеции в катастрофической кампании на Украине.

5 марта генерал Бек направил очередной тревожный меморандум новому командующему армией генералу Браухичу. В нем он подчеркнул, что, в случае нападения Германии на Чехословакию, пока еще слабый рейх столкнется с враждебностью англичан и французов,

которых поддержит Америка и Советский Союз. В действительности, как вскоре осознал Гитлер, безусловно наделенный некоторым политическим чутьем, британское общественное мнение не позволит правительству рисковать войной, даже если вероятность такого развития событий 1:100. Да и у Франции вряд ли было желание штурмовать немецкие фортификационные сооружения на западе ради спасения одного из своих мелких союзников на востоке. Американцы мучительно старались решить проблему войны, сохранив нейтралитет. Кроме того, британский посол в России недавно сообщил в Лондон свое мнение, хотя не исключено, что он принял желаемое за действительное, что советское правительство не имеет намерения ввязываться в войну с Германией только для того, чтобы помочь Чехословакии. И в любом случае Красная армия не лучше подготовлена к ведению наступательной войны за границами своей страны, чем французская.

После проведения чехами частичной мобилизации 20–21 мая Гитлер впал в ярость, настоящую или притворную. 28 мая он проинформировал командующих войсками и министерство иностранных дел, что Чехословакию следует «стереть с карты мира» посредством военных действий, причем сделать это еще до октября 1938 года, а строительство фортификационных сооружений против Франции и расширение вермахта необходимо ускорить. Чтобы успокоить потрясенных генералов, фюрер заверил их, что день расчетов с Западом еще впереди – он наступит года через три-четыре. Бек немедленно ответил, что фюрер быстро движется к «непригодным для обороны позициям», которые могут «решить судьбу Германии». Йодль, в свою очередь, отметил, что конфликт между интуицией фюрера и расчетами армии снова обострился.

В конце июля, в своем последнем обращении к Браухичу против риска войны с Чехословакией, Людвиг Бек потребовал встречи всего Верховного командования армии в надежде, что планы Гитлера вызовут массовую отставку генералов. Несмотря на то что большинство генералов на закрытом совещании 4 августа поддержали Бека, Гитлер сумел подавить зарождающийся бунт Генерального штаба, применив ловкую дипломатическую тактику по отношению к политикам Великобритании и Франции. Но как неодобрительно выразился в своем дневнике генерал Йодль, Генеральный штаб все же чувствовал ответственность за жизненно важные политические решения, поскольку ему не доставало веры в «гений фюрера».

В результате в конце августа 1938 года в отставку подал только один Бек. Чувствуя себя в полной безопасности после англо-французской капитуляции в Мюнхене в сентябре, Гитлер уволил еще нескольких человек из числа тех, кто, как он подозревал, были самыми активными заговорщиками среди армейских генералов. Как и Браухич, Франц Гальдер – более сговорчивый преемник Бека на должности начальника штаба – не был склонен доводить заговор против Гитлера до точки, когда необходимо было начинать действовать, учитывая ошеломляющую политическую победу последнего в области дипломатии, всегда несколько чуждой для генералов.

Хотя Гитлер был разочарован в своем стремлении к небольшой войне против Чехословакии, его мимолетное огорчение было ничем по сравнению с унижением и страхом отсутствовавшей в Мюнхене великой европейской державы – Советского Союза. Давно опасавшийся именно такого урегулирования вопросов между капиталистическими странами Запада параноидальный менталитет коммунистического режима теперь имел достаточно оснований для вывода, что советский сад очень скоро станет самым лакомым кусочком в меню, подготовленным для задыхающегося от жадности фюрера внешне любезными государственными деятелями Лондона и Парижа.

Хотя в 1938 году у западных держав не было причин считать, что за сильной официальной советской линией поддержки Чехословакии последуют активные действия в случае войны, не могло быть сомнений в том, что разочарование русских относительно Мюнхен-

ского соглашения было настоящим, даже в то время. Горькое замечание Владимира Потемкина, заместителя советского министра иностранных дел Максима Литвинова, высказанное им 4 октября 1938 года, то есть сразу после Мюнхена, французскому послу, отражает истинную советскую позицию намного точнее, чем последующее сталинское полуизвинение на Ялтинской конференции в 1945 году. Пожаловавшись, что западные страны намеренно исключили СССР из мюнхенских переговоров, Потемкин не смог совладать с эмоциями, и якобы он крикнул французскому послу Робберу Кулондру: «Мой бедный друг, что же вы наделали? Теперь я не вижу другого выхода для нас, кроме четвертого раздела Польши».

Пятью месяцами позже, 10 марта 1939 года, в речи XVIII партийному съезду сам Сталин подкрепил «крик души» Потемкина предупреждением, важность которого была должным образом оценена, по крайней мере в Берлине, если не в Лондоне. Отметив статьи в западной прессе, касающиеся предполагаемой слабости советской армии и военно-воздушных сил, Сталин сказал: «...можно подумать, что районы Чехословакии были сданы Германии в качестве платы за обязательство начать войну против Советского Союза». Далее Сталин сделал вывод, что Россия должна быть осторожной и не позволять другим странам использовать ее для того, чтобы таскать для себя каштаны из огня.

Реакция Гитлера на новую позицию Сталина проявилась через пять дней. 15 марта, несмотря на недавнее Мюнхенское соглашение, он оккупировал Прагу и оставшуюся часть чехословацкого государства. Хотя 17 марта в Великобритании премьер-министр Чемберлен наконец открыто спросил, не последует ли за этой акцией Германии другой акт агрессии против маленького соседа, он никак не желал отказываться от своих прежних взглядов, что явствует из его личной переписки с сестрой. Подчеркивая проведение им политики уступок, Чемберлен писал: «Я должен признаться в своем глубочайшем недоверии к России. Я не верю в ее способность вести эффективные наступательные операции, даже если она захочет. Я не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, не связаны с нашим пониманием свободы и направлены только на то, чтобы рассорить, натравить друг на друга всех остальных. Более того, ее ненавидят и подозревают даже небольшие государства, в первую очередь Польша, Румыния, Финляндия».

Тем не менее, опасаясь немедленного нападения немцев на Польшу и не ожидая соглашения с Советами, которым он так не доверял, и даже согласия французских союзников, 30 марта Чемберлен предложил Польше одностороннюю британскую гарантию защиты против Германии. Это была прихоть, за которой вскоре последовали почти столь же провокационные и несерьезные гарантии для Румынии и Греции. Осужденный в парламенте и Уинстоном Черчиллем и Дэвидом Ллойд Джорджем сей акт открытого вызова, правда слабый, вызвал моментальную ответную реакцию Гитлера, который 3 апреля принял решение напасть на Польшу после 1 сентября того же года. Фюрер был непоколебимо убежден, что советская интервенция для спасения Польши представлялась маловероятной, поскольку такое вмешательство было бы отвергнуто Польшей, вследствие ее страха перед большевизмом. Гитлер также начал рассматривать последующую немецкую оккупацию балтийских государств.

Еще более серьезной была советская реакция на проявление демонстративного пренебрежения со стороны Чемберлена, давшего Польше и Румынии, без договоренности с Советским Союзом, подобные обещания. Когда 16 апреля предложение советского министра иностранных дел Литвинова о создании англо-русско-французского пакта о взаимопомощи не вызвало интереса британской стороны, советский посол в Берлине уже на следующий день проинформировал министерство иностранных дел Германии о том, что нет никаких причин, по мнению советской стороны мешающих нормализации отношений между Советским Союзом и Германией. «И, – добавил советский посол, – из нормальных эти отношения могут становиться все лучше и лучше».

Во время беседы Гитлера с румынским министром иностранных дел Григоре Гафенку, состоявшейся 19 апреля, ярость фюрера в отношении англичан была очевидна. Выразив свое разочарование невозможностью достижения договоренности с Великобританией по польскому вопросу, Гитлер заявил, что, если Англия хочет войны, она ее получит. Причем это будет вовсе не легкая война, как хотелось бы думать англичанам, и она будет не похожей на предыдущую. «Как, – вопрошал Гитлер, – англичане могут представить себе современную войну, если они не могут даже выставить на поле боя две полностью оснащенные дивизии?»

Вскоре Гитлеру предстояло получить ответ на свой вопрос. 27 апреля Чемберлен весьма неохотно объявил воинский призыв – беспрецедентная мера в британской истории. А в параллельном измерении шеф немецкого военно-морского флота адмирал Эрих Редер готовил свои небольшие силы к военно-морской войне с Великобританией, войне, которая, по заверению Гитлера, не должна была начаться раньше 1945 года.

В дальнейшем усиление британских мер против нацистской Германии вело к ослаблению советской реакции. 3 мая советский министр иностранных дел Максим Литвинов был снят правительством со своего поста. Его нееврейский преемник Вячеслав Молотов был в выигрышном положении с точки зрения восстановления дружественных отношений с Германией, поскольку его имя не ассоциировалось с политикой коллективной безопасности в союзе с западными странами против нацистской экспансии.

Нападки нацистской прессы на Советский Союз прекратились, и англичане встревожились: русские могут оказаться потерянными для Запада. Уинстон Черчилль 4 мая объявил, что больше нельзя терять время на переговоры с Россией, потому что «нет средств для поддержания Восточного фронта против нацистской агрессии без активной помощи России». Официальная советская газета «Известия» 11 мая написала о нехватке взаимности в западной концепции пакта о взаимопомощи, который предоставляет России в одиночестве нести военное бремя против Германии. Уже 19 мая Черчилль, выступив с резкой критикой Чемберлена в палате общин, спросил, почему премьер-министр противится альянсу с Россией в мирное время, который может предотвратить войну, если принимает необходимость соглашения с Советами в военное время. Черчилль, как военный историк, также подробно остановился на последствиях краха России на Восточном фронте для Запада в 1917 году, в результате которого миллион немецких солдат и пять тысяч пушек были переброшены во Францию для последнего отчаянного выступления немцев против британской армии весной 1918 года. Однако Чемберлен все еще предпочитал мир рискованной политике втягивания всей Европы в войну против Третьего рейха ради вероятной выгоды Советского Союза.

Хотя Чемберлен продолжал уклоняться от того, что Черчилль справедливо назвал жестокими фактами, скорее всего, последний даже не подозревал, до какой степени обесценил Гитлер, стремясь любой ценой расширить границы рейха. В речи, обращенной к своим генералам 23 мая, вероятно рассчитанной на то, что благодаря утечкам она испугает Запад, Гитлер заявил:

«Дальнейший успех не может быть достигнут без кровопролития... Данциг вовсе не является предметом обсуждения. Это вопрос расширения нашего жизненного пространства на восток, обеспечения нашего снабжения продовольствием, решения балтийских проблем. Снабжение продовольствием может вестись только из малонаселенных районов. Помимо естественного плодородия, радикальная немецкая эксплуатация многократно увеличит излишки. Другой возможности в Европе нет. <...>

Мы не можем ожидать повторения чешского дела. Будет война. Наша задача – изолировать Польшу. Успех изоляции будет решающим.

Не является невозможным и то, что Россия выкажет отсутствие интереса к разорению Польши. Если же Россия предпримет шаги против нас, наши отношения с Японией могут стать ближе. Война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть. Идея, что

мы можем дешево отделаться, опасна, такой возможности нет. Мы должны сжечь мосты... и приготовиться к войне продолжительностью 10–15 лет».

Согласно подсказке Гитлера о том, что можно надеяться на отсутствие интереса у русских к разорению Польши, в течение следующих двух месяцев длинные осторожные щупальца тянулись из немецкого министерства иностранных дел к Советскому Союзу. Вероятно, более эффективным стимулом к улучшению отношений с Россией было успешное давление нацистов на Финляндию и балтийские государства, чтобы те воздержались от каких-либо оборонительных договоренностей с СССР, как того требовали русские в качестве части платы за пакт с Западом. Русские не видели причин забывать известное объяснение маршала фон Гинденбурга министерству иностранных дел в 1917 году о том, что ему необходимо контролировать балтийские государства для маневрирования левого крыла в будущей войне с Россией.

Не менее осторожно британское министерство иностранных дел продолжало вести переговоры с Советами, поддерживая их на сравнительно низком уровне и выражая полное нежелание сотрудничать с русскими, кроме как на удовлетворительных для поляков условиях. Хотя французы постоянно требовали достичь соглашения с русскими, пока Гитлер не сделал того же самого, британское правительство совершенно не желало давать Советскому Союзу гарантии в балтийских государствах, на которые он рассчитывал. Такие гарантии, вероятнее всего, в перспективе должны были привести к поглощению Советским Союзом малых государств. Британия не могла смириться с предложением России пусть даже неопределенного куска Восточной Европы в качестве платы за альянс с Западом. А немцы обладали решающим преимуществом – они могли предложить русским нейтралитет и, таким образом, время для военной подготовки к началу всеобщей войны.

То, что такой потенциальный дар германского нейтралитета, в противоположность малообещающей перспективе выступления против Германии без помощи западных стран, едва ли был предложением, которое Советский Союз мог легко отвергнуть, видно более отчетливо, если одновременно рассмотреть угрозу альтернативной немецкой сделки с Японией. Японская Квантунская армия в Маньчжурии 28 мая 1939 года возобновила ранее неудачное «прощупывание» советских дальневосточных пограничных регионов в более широком масштабе, чем прежде, на этот раз против советского государства-сателлита – Внешней Монголии. Одновременно, как, вероятно, подозревали русские, японский премьер Киитиро Хиранума начал переговоры с Германией о трансформации Антикоминтерновского пакта 1936 года в более эффективный военный альянс против Советского Союза. Здесь, возможно, более, чем где-либо, лежит источник отчаянной необходимости русских в активном и могущественном союзе с англо-французской коалицией или, в качестве альтернативы, *bona fide*³ пакте о нейтралитете с гитлеровским рейхом, ставшим агрессивнее, чем раньше.

К началу первой недели августа Гитлер окончательно потерял терпение из-за медленного хода переговоров между нацистами и русскими – приближался конечный срок начала его осенней кампании против Польши. 8 августа он заявил, что, по его мнению, Россия не рискнет ввязаться в войну с Германией. Он объяснил своему венгерскому гостю, что Советы «не повторят царской ошибки и не станут истекать кровью ради Великобритании... Вместо этого они попытаются обогатиться, возможно, за счет прибалтийских стран или Польши, но не ввяжутся в военные действия».

С другой стороны, 12 августа во время встречи с обеспокоенным и исполненным недоверия итальянским министром иностранных дел графом Галеаццо Чиано Гитлер вел себя в соответствии с линией своего министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа, утверждая, что Франция и Великобритания не вступят в войну ради спасения Польши. Гитлер

³ Добросовестный (лат.).

сумел скрасить свое разочарование, узнав от Чиано о неготовности Италии вступить в войну в 1939 году, только что полученными из Москвы новостями о готовности начать переговоры на высшем уровне с рейхом по вопросам, ставшим чрезвычайно важными для русских.

Британская и французская военные миссии сравнительно низкого уровня прибыли в Россию без особой спешки и начали переговоры в тот же день – 12 августа, когда поступил ответ русских нацистам. Тем не менее со стороны русских в военных переговорах с англо-французской миссией участвовали самые высокопоставленные военные, во главе которых стоял министр обороны Ворошилов. В них принял участие генерал Б.М. Шапошников – начальник штаба советской армии после падения Тухачевского.

Деятельность западных военных миссий сдерживалась недоверчивым отношением политиков к Советскому Союзу, а также крайне пессимистичной оценкой военных возможностей СССР, тогда господствовавшей среди британских и французских военных. Например, по оценке британских военных экспертов, весной и летом 1939 года Красная армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы настолько плохо оснащены техникой и так сильно пострадали от чисток офицерского корпуса, что не могут организовать сколь бы то ни было эффективное наступление в Польшу или Румынию. Такая явная недооценка еще более удивительна в свете уверенных успехов советской армии на Дальнем Востоке.

Если западные державы придерживались невысокого мнения о возможностях советских военных, то вскоре выяснилось, что у русских было намного больше оснований иметь невысокое мнение о возможностях английских и французских военных и планах, в особенности касающихся шансов организации наступательных операций на западе, необходимых для облегчения ситуации на Восточном фронте. Уже 13 августа маршал Ворошилов скрестил шпаги с британским генерал-майором Т. Хейвудом относительно наличия только шести британских дивизий для службы во Франции. Хейвуд ответил, и это было лучшее, что он мог сказать в сложившихся обстоятельствах, что Первую мировую войну Британская империя тоже начала шестью действующими дивизиями, но постепенно ее вклад в военные усилия союзников достиг уровня 100 дивизий. Однако именно то, что случилось с Россией до того, как Британия вступила в Первую мировую войну, больше всего тревожило Сталина. Как и французам, русским не повезло жить на собственном острове и иметь возможность готовиться к серьезной войне в удалении от всех.

После этой не предвещающей ничего хорошего увертюры, характерной для англо-русского диалога и в будущем, 14 августа Ворошилов перешел непосредственно к делу. Он спросил, может ли Красная армия действовать против немцев через польскую и румынскую территории, и заявил, что этот вопрос является чрезвычайно важным, по сравнению с ним все остальные являются второстепенными. Советский министр обороны заявил, что без точного и недвусмысленного ответа на него дальнейшие военные переговоры являются бессмысленными.

«Великая драма», как Гитлер совершенно правильно проинформировал своих слушателей в Оберзальцберге, в тот же день подходила к «кульминационной точке». Сталин, который, по словам Гитлера, больше не имел желания «таскать британские каштаны из огня», ничего не приобретал, но имел все основания опасаться войны, в том числе и победоносной Красной армии, если он выиграет. Что касается англичан, теперь Гитлер открыто признал, что они могут вступить в войну, несмотря на свою полную неготовность, но утверждал, что они не хотят долгой борьбы. В последнем безрассудный фюрер, очевидно, ошибался; он, вероятно, забыл, что другие тоже могут очертя голову бросаться в авантюры, особенно если их со всех сторон окружают вражеские ловушки.

Поздно вечером того же дня – 14 августа – по приказу Гитлера министр иностранных дел Риббентроп телеграфировал в Москву требование личной встречи с Молотовым и Сталиным. В осторожном ответе на следующий день Молотов поинтересовался у немецкого

посла Шуленбурга шансами на то, что Германия употребит свое влияние на Японию ради улучшения отношений с Россией, а также возможностью заключения договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

На следующий день, 15 августа, возможно для того, чтобы произвести максимальное впечатление на западные страны серьезностью намерений и значительностью ресурсов русских, генерал Шапошников обрисовал советский план развертывания 136 русских дивизий и 9000 танков в случае нападения Германии на СССР через балтийские государства. На этот не слишком вероятный случай Шапошников потребовал, чтобы западные страны использовали 70 % этих сил для активного выступления против рейха. Эта задача в любом случае была выше возможностей английской и французской армий, все еще не организованных для наступательных операций. В этом случае и Польша должна была направить все свои силы против рейха в интересах России.

В случае вероятного нападения Германии на Францию Советский Союз обязывался обеспечить 70 % сил западных держав в русском наступлении на Германию через Польшу и Литву; западные державы гарантировали русским право пересечь польскую и, если возможно, литовскую территорию. Для самого вероятного развития событий, иначе говоря, нападения немцев на Польшу Шапошников пообещал значительное соответствие любым западным силам, развернутым непосредственно против Германии, если Польша, а если возможно, Литва и Румыния дадут Красной армии право пересечь свою территорию.

Упражнения Шапошникова в том, что Джон Эриксон справедливо назвал «категорическим императивом», не вызвали немедленный ответ позитивного характера от поляков. Маршал Ворошилов 17 августа прервал встречи военных до 21 августа, утверждая, что без такого ответа дальнейшие обсуждения бессмысленны. С плохо скрытым сарказмом Ворошилов посоветовал западным военным делегациям наслаждаться видами Москвы, пока их правительства получают ответ от Польши.

Несмотря на уверенный отпор русских, 17 августа генерал Хейвуд написал спокойное объяснение в свое военное министерство, в котором относительно позиции советской стороны было сказано следующее: «Руководствуясь здравыми военными соображениями, они хотят воспользоваться всеми преимуществами сотрудничества с польской армией, а не ждать, пока эта армия будет побеждена, и им придется поддерживать остатки разгромленной армии, что может иметь самое неблагоприятное влияние на их стратегию и состояние их войска».

То, что поляки не собираются облегчать жизнь потенциальным союзникам больше, чем противникам, стало ясно уже на следующий день. Начальник штаба польской армии заявил, что, по его мнению, русские желают пересечь те части территории Польши, которые раньше были русскими, только с целью их повторной оккупации, а не для ведения наступления против Германии. Несмотря на возрастающее давление со стороны теперь уже всерьез обеспокоенной Франции, потребовалось несколько дней, чтобы поляки с большой неохотой приняли менее бескомпромиссную позицию, но к тому времени было уже слишком поздно. Короче говоря, поляки считали, что Вторая мировая война, которая вот-вот должна была начаться, будет вестись не только из-за западных, но и из-за восточных границ Польши, а значит, в конечном счете из-за права Польши на существование в качестве суверенного государства.

Все было кончено 19 августа, когда, вследствие возобновившегося давления нацистов на Москву по вопросу заключения пакта о ненападении, Сталин лично согласился принять Риббентропа. Для Гитлера это было большой удачей, поскольку установленный им срок нападения на Польшу приближался. Генерал Георг Томас, занимавшийся вопросами экономики и вооружения в ОКВ, и глава абвера адмирал Вильгельм Канарис неоднократно предупреждали фюрера о том, что Германии не хватит боеприпасов и горючего для военных дей-

ствий продолжительностью более нескольких недель, а на флоте готово только 10 субмарин для операций в Атлантике. Но все это, должно быть, еще более усилило желание Гитлера пожать руку своему непримиримому идеологическому противнику на востоке.

В качестве самооправдания перед военной верхушкой Гитлер 22 августа заявил: «Мне было совершенно ясно, что конфликт с Польшей рано или поздно произойдет. Я уже принял решение весной, но полагал, что сначала, через несколько лет, поверну оружие на запад, а только потом на восток. Но последовательность может меняться».

Далее Гитлер разъяснил, что, поскольку ни один немец не обладает большей политической значительностью, чем он сам, лучше действовать сейчас против оппонентов на Западе, которых возглавляют весьма посредственные государственные деятели. Политиком, зловеще объявил фюрер, иногда приходится рисковать с такой же «безрассудной решимостью», как и военным деятелям. В любом случае Гитлер был уверен, что Британия не пошлет больше трех дивизий на помощь Франции и она «пока еще уязвима с воздуха», иначе говоря, сложилась вполне благоприятная ситуация, которая может измениться через два-три года. Что касается Франции, Гитлер заверил свою колеблющуюся аудиторию, что французам не только не хватает людей и современной материальной базы, но также и желания нападать на Германию с запада, что очень тревожило гитлеровских генералов во время мюнхенского кризиса 1938 года.

Гитлер завершил свою речь ошеломляющим известием об установлении им личного контакта со Сталиным и о подписании в течение ближайших сорока восьми часов пакта с СССР. Теперь Польша находится именно в том положении, которое фюрер считал наиболее желательным, и его тревожило лишь то, что какая-нибудь «свинья» предложит заступничество (как Муссолини в Мюнхене). Несомненно, считал фюрер, немецкие генералы будут ему благодарны за восстановление старой прусской традиции – дружить с Россией, как западные страны будут шокированы столь ошеломляющим дипломатическим *bouleversement*⁴. Гитлер, безусловно, хорошо знал своих генералов.

В тот же день, 22 августа, за день до публичного объявления о визите немецкого министра иностранных дел в Москву, в документах британской военной делегации было записано следующее:

«Ситуация прояснилась. Очевидно, СССР пока втирается в доверие к обеим сторонам. Судя по всему, сейчас Советы пришли к выводу, что Германия занимает сильную позицию и неизбежно покорит Польшу; в случае чего, если они заключат пакт с Британией и Францией, то поставят себя против Германии раньше, чем будут вынуждены. СССР, вероятно, осознает, что его коммуникации и техника слабы, а штаб и организация – не готовы к ведению большой войны против сильного врага, особенно если ему придется конкурировать с отступающей польской армией».

На следующий день, 23 августа, маршал Ворошилов проинформировал более благожелательного французского военного атташе, что Красной армии необходимы более крепкие гарантии, чем пассивная позиция французской армии, которая, по оценке Ворошилова, сможет удержать на западе только десять немецких дивизий, пока большая часть немецкой армии покоряет Польшу на востоке. Лишившийся иллюзий глава британской военной делегации адмирал сэр Реджинальд Планкет-Эрнл-Эрл-Дракс успокаивал себя мыслью, что можно быть уверенным в нечестности Советов при выполнении договора, так же как и в двуличности в проведении переговоров о его заключении. Продемонстрировав мировоззрение истинного тори, адмирал Драке в конце концов пришел к фантастическому выводу о том, что в перспективе может оказаться даже удачным то, что русские предпочли стать союзниками Германии, а не Запада.

⁴ Потрясение (*фр.*).

А тем временем в двух эпохальных встречах со Сталиным и советским министром иностранных дел Молотовым 23 августа, состоявшихся с полного согласия Гитлера, Риббентроп пришел к быстрому *quid pro quo*⁵ с Советами. Финляндия, Эстония, Латвия, Восточная Польша и бывшие царские провинции Бессарабии, теперь находившиеся в составе Румынии, попадут в сферу интересов русских, оставив рейху только Литву и Западную Польшу. За это русские гарантировали отсутствие поддержки западным странам в польском вопросе.

Что касается Японии, эта проблема также занимала Сталина в тот момент, как и отсутствие эффективного западного наступления для помощи русским в Польше. Советский правитель заметил Риббентропу, что, если Токио хочет войны, он ее получит. Через несколько часов после согласия Советов на переговоры с Риббентропом, 19 августа, генерал Жуков начал сокрушительное наступление против японской армии во Внешней Монголии, предвосхитив новое японское наступление на четыре дня. Благодаря неожиданному превосходству советской артиллерии и танков к 31 августа японцы были полностью вытеснены из Внешней Монголии, потеряв около 18 000 человек убитыми и ранеными. Как самодовольно заметил Сталин одному из своих новых немецких друзей, «это единственный язык, который понимают азиаты. В конце концов, я тоже азиат и должен знать».

В отношении Британии Сталин жаловался Риббентропу, что британская военная миссия в Москве ни разу так и не сказала, чего в действительности хотят англичане. В любом случае Сталин считал британскую армию слабой, британский флот – больше не заслуживающим своей былой репутации, а Королевские военно-воздушные силы – неготовыми, хотя и наращивающими силу. Тем не менее советский диктатор пребывал в уверенности, что, несмотря на общую военную слабость, Британия будет вести войну «умело и упорно».

Когда же Сталин заявил, что и французскую армию не следует сбрасывать со счетов, Риббентроп поспешно привлек его внимание к большому превосходству германской армии над французской по количественному составу. Хотя, конечно, большинство отлично обученных бойцов рейха сначала будут использованы на востоке против Польши, и уж потом вернутся, чтобы занять позиции на западе против французской армии. После взаимных тостов за здоровье глав государств Сталин завершил беседу с Риббентропом, заявив, что советское правительство относится к пакту с Германией со всей серьезностью. Сталин дал слово чести, чего бы оно ни стоило, что Советский Союз не предаст своего партнера по новому пакту о ненападении, пакту, названному таким образом, как невольная дань предположительно забытому идеализму Вудро Вильсона.

24 августа Риббентроп вернулся из Москвы в Берлин, так сказать, на гребне волны и был встречен благодарным фюрером, как второй Бисмарк. У Гитлера были причины для открытого изъяснения благодарности. До недавнего времени являвшийся германофилом британский посол сэр Невил Хендерсон только что проинформировал его о том, что Британия намерена соблюдать свои обязательства перед Польшей, вне зависимости от его пакта с СССР. Хотя Гитлер ответил, что война, которая начнется, будет, таким образом, на совети англичан, и в любом случае он предпочитает войну, пока ему только пятьдесят лет, а не позже, дни, когда он мог отпугнуть британских миротворцев, прошли. Да и Гитлер винил Британию в том, что ему пришлось заключить договор с русскими, в отношении которого фюрер, по мнению Хендерсона, не испытывал энтузиазма. Однако, как верно заметил Гитлер, теперь Германии не придется вести войну на два фронта. Последнее предложение Гитлера гарантировать поддержку Британской империи немецкой военной силой вызвало лишь осторожное предостережение Хендерсона о том, что, в то время как любой может предсказать начало войны, никто не может в точности знать, какими сюрпризами чревата длительная борьба.

⁵ Услуга за услугу, компенсация (лат.).

В довершение всего Муссолини под явным давлением Чиано 25 августа написал Гитлеру, что Италия определенно не присоединится к рейху в альянсе с большевистской Россией за счет католической Польши. Он считал, что у Италии нет необходимости готовиться к войне раньше чем в 1942–1943 годах. Потрясенный таким очевидным «предательством», Гитлер заявил, что итальянцы ведут себя так же, как в 1914 году, и в последнюю минуту приказал задержать неминуемое нападение немецкой армии на Польшу, чтобы выиграть время для еще одной попытки ввести в заблуждение или откупиться от британцев. Генеральный штаб немецкой армии был согласен с итальянским министром иностранных дел Чиано в том, что Италия не может себе позволить вести даже оборонительную войну. Обиженный дуче сам имел основания опасаться, что, если Британия и Франция не атакуют Германию на западе ради спасения Польши, они могут вместо этого напасть на слабую Италию – дешевую, хотя и не вполне равноценную замену эффективных, но дорогостоящих действий против рейха.

Смена союзников Гитлером вызвала реакцию ужаса другой великой державы – Японии. Столкнувшись с тем, что официальный Токио назвал изменой рейха в тот момент, когда Япония ведет тяжелые бои с русскими во Внешней Монголии, японский кабинет ушел в отставку, а японский посол в Берлине Хироси Осима получил приказ выразить протест Гитлеру. Политика японской армии, которая выражалась в реализации эффективного военного альянса с европейскими странами оси скорее за счет России, чем против Британии, как хотелось бы думать Гитлеру, теперь была дискредитирована, так же как и японская техника и тактика в состоявшемся в недалеком будущем столкновении с Красной армией в пустыне Гоби.

Кстати, и в рядах нацистской партии царили скептицизм и недовольство в отношении пакта с большевистской Россией. Гитлеру пришлось 28 августа оправдаться перед своими соратниками по партии, сказав, что будущая война будет тяжелой, Германию может постигнуть неудача, но, пока он жив, речи о капитуляции не будет. Он открыто признал, что готов к войне на два фронта, если до этого дойдет, но надеялся, что Британия будет лишь внешне выполнять свои обязательства перед Польшей и вести только видимость войны с Германией. Как он сказал барону Эрнсту фон Вайцзеккеру, заместителю государственного министра иностранных дел, 29 августа, «через два месяца с Польшей будет покончено, и тогда мы сможем провести большую мирную конференцию с западными державами».

К 31 августа Гитлер принял окончательное решение приступить к действиям против Польши, независимо от того, какие шаги западные державы могут предпринять впоследствии. 1 сентября, согласно обещанию, которое он должен был сдержать, фюрер выступил в рейхстаге и сказал, что снимет форму только после победы или не доживет до конца. Спустя два дня, 3 сентября, когда поступил британский ультиматум, требующий прекратить наступление в Польше, иначе Британия объявит войну, Гитлер был явно взволнован дилеммой, перед которой оказался. Он разгневанно потребовал к себе гордого автора пакта с Россией – министра иностранных дел фон Риббентропа – и спросил, что ему теперь делать. В это же время он сказал соавтору своей знаменитой автобиографии Рудольфу Гессу: «Сейчас весь мой мир разваливается на части. Моя книга [*Mein Kampf*] была написана зря». Шеф люфтваффе Герман Геринг, который уже несколько недель отчаянно пытался достичь личной договоренности с британцами, 3 сентября признал: «Если мы проиграем эту войну, да смилюстивится над нами Бог». Даже нацистские лидеры, не говоря уже о немецком народе и вооруженных силах, вовсе не стремились к большой войне с Западом, невзирая на агрессивные страсти, испытываемые ими в большей или меньшей степени по отношению к востоку.

Последнее, вероятно, не было тайной для Советского Союза. Как сказал в своей речи Верховному Совету 31 августа советский министр иностранных дел Вячеслав Молотов, «неужели трудно понять, что СССР проводит и будет продолжать проводить свою собствен-

ную независимую политику, цель которой – поддерживать интересы народов СССР, и только эти интересы? Если [другие европейские] джентльмены имеют столь неодолимую тягу воевать, пусть воюют без участия Советского Союза. А мы посмотрим, что они за бойцы». Россия снова получила передышку, давшую ей возможность подготовиться к будущему, но, как в 1807 и 1918 годах, передышка, полученная путем отказа от союзников, оказалась короткой, а собственные военные приготовления России нереалистичными и недостаточными.

Глава 2

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

3 сентября 1939 г. – 18 июня 1940 г.

Завоеватель всегда любит мир (как неизменно заявлял Бонапарт); он хотел бы войти в наше государство, не встретив сопротивления.

Клаузевиц, с пометкой Ленина на полях: «Ах, ах! Остроумно!»

Мы должны использовать разницу и противоречия между двумя империализма-ми, между двумя группами капиталистических государств, чтобы они вцепились друг другу в горло... Если бы мы не придерживались этого правила, мы бы давно, к радости капиталистов, болтались на осинах.

Ленин, ноябрь 1920 г.

Милитаристские беснования Гитлера закончатся величайшей катастрофой. Но прежде чем пробьет его час, многое и многие будут сметены в Европе. Сталин не хочет быть в их числе. Поэтому он больше всего остерегается оторваться от Гитлера слишком рано.

Троцкий, 4 декабря 1939 г.

Предполагать, что не будет передышки и будут постоянные ультиматумы, – значит верить, что на Западе вообще нет движения. Мы считаем, что немцы не могут сделать все.

Сталин Троцкому, 1918 г.

После шока, связанного с объявлением Англией и Францией войны 1 сентября 1939 года, Гитлер укрепил собственную уверенность и уверенность своих генералов, сделав предсказание, аналогичное последующим советским объяснениям своего предательства западных союзников. Он сказал, что западные державы совершают формальный жест, символизирующий выполнение ими обязательств перед Польшей, и очень скоро пойдут на мирные переговоры с рейхом. Фюрер предвидел и оказался прав в том, что более 70 англо-французских дивизий, которые со временем должны быть размещены в Северной Франции, не станут атаковать 30 оперативных немецких дивизий, по большей части не первоклассных, охраняющих линию Зигфрида, пока основная масса немецкой армии захватывает Польшу в первом гитлеровском блицкриге.

В действительности французское Верховное командование согласилось с объявлением войны главным образом потому, что временный уход сил рейха на восток дает французской армии время провести мобилизацию. Последнее, к чему стремилось французское командование, выполняя свое обещание Польше атаковать на западе, – это стремление спровоцировать реакцию немцев в момент наибольшей слабости Франции даже раньше, чем четыре доступные британские дивизии переправятся через Канал или соберутся медленно «раскачивающиеся» резервисты французской армии 1914 года. Кроме того, помимо отсутствия желания начинать дорогостоящий штурм немецких фортификационных сооружений, у французской армии не было и возможностей это сделать. Она не располагала бронетанковыми дивизиями, не имела превосходства в воздухе и наступательной доктрины, предусматривающей их появление.

Если коротко, Гитлер высказал совершенно правильную догадку о том, что к 1939 году Франция полностью отказалась от губительной философии наступления *a out-rance*⁶ 1870 и 1914 годов, причем во время, когда только такая философия могла спасти ее и ее союзников. А в Великобритании неохотное приятие Чемберленом войны воплотилось в его выводе о том, что самое лучшее, на что можно рассчитывать, – это постепенный крах немецкой морали; вопрос о военной победе над лучше вооруженным рейхом не ставился.

Начиная с 3 сентября, дня объявления войны союзниками, Риббентроп начал настаивать на быстром и открытом советском вмешательстве в Польшу. Советский министр иностранных дел Молотов осторожно возражал против открытых демонстраций сговора Советов с нацистами, в то время как Польша оставалась невредимой. 6 сентября немецкому послу Шуленбургу пришлось разъяснить Берлину, что общественное мнение в России еще не слишком хорошо понимает пакт с Германией. Существует опасение, что после поражения Польши рейх может повернуть оружие против СССР.

Заявив, что вермахт 8 сентября подошел к Варшаве, германское министерство иностранных дел возобновило давление на Молотова в ответ на вмешательство России в действия на территории якобы умирающего Польского государства. Выказав поспешные поздравления в связи с военными успехами немцев, Молотов 10 сентября продолжил тянуть время, объясняя, что Красная армия рассчитывала на несколько недель до вмешательства, а теперь эти недели сократились до нескольких дней. Немцев еще более разозлило предложение Молотова, что, для того чтобы Советский Союз не выглядел агрессором, правительство собиралось открыто заявить, что войска в Польшу вводятся для защиты украинцев и белорусов в Польше от немецкой угрозы. Нацисты начали понимать, а впоследствии это узнали западные союзники и китайские коммунисты, что Советский Союз не является удобным союзником, будучи *de facto* или *de jure* партнером в конфликте.

К 14 сентября Молотов проинформировал немцев о том, что Красная армия достигла состояния готовности раньше, чем предполагалось, и что Советы вскоре войдут в Польшу. На деле два фактора: быстрый крах Польши и перемирие с японцами во Внешней Монголии 16 сентября – подготовили советскую политику к военным операциям на западе. Несмотря на любое давление в будущем, никакие соображения не могли заставить Сталина принять одновременно больше чем одну войну или один фронт. К своему глубокому сожалению в будущем, Гитлер не имел такой же решимости избежать войны на два фронта.

17 сентября, после перемирия с японцами, в соответствии с настойчивыми требованиями немцев, примерно 40 дивизий Красной армии перешли границу Польши. Это было ее первое вторжение на запад после 1920 года. Сталин лично переписал советско-германское коммюнике, информирующее об этом событии, на основании того, что немецкая версия была слишком откровенной – обычное для коммунистов упражнение в крючкотворстве. Советский диктатор также выражал недовольство и сомнение относительно того, уйдут ли немецкие войска из городов, уже занятых ими в пределах выделенной русским зоны Польши после завершения военных операций. Хотя он признавал, что такая ситуация может быть вызвана нежеланием немецких генералов отдавать завоеванную территорию, а не целенаправленной политикой немецкого правительства.

К большой досаде плохо информированного ОКХ и ОКВ, Гитлер быстро приказал немецкой армии уйти из Лемберга (Львова), с дрогобычских нефтяных месторождений и из Брест-Литовска. Теперь не было Тухачевского, который мог бы помешать Сталину, как во время предыдущего вторжения в Польшу в 1920 году. Он, наконец, смог захватить западноукраинскую цитадель Лемберг, хотя ярому антикоммунисту адмиралу Канарису удалось

⁶ До крайности, беспощадно (*фр.*).

похитить нескольких лидеров украинских националистов прямо из-под носа советского НКВД.

Советское вторжение в Польшу, хотя и запоздавшее с точки зрения Риббентропа, ускорило первую из многочисленных ссор между Гитлером и командованием армии ОКХ. Фюрер приказал захватить Варшаву как можно быстрее, независимо от числа жертв среди военных или гражданского населения, чтобы к подходу Красной армии польская столица находилась в руках немцев. Командование армии предпочитало более медленную осадную операцию против Варшавы, что помогло бы сберечь людей и боеприпасы для Западного фронта. Выразив мнение многих других начальников штабов до и после 1939 года, генерал Гальдер сказал: «Строгое разделение между влиятельными кругами армии и политики оказалось большим недостатком... Верховное командование армии не должно следовать капризам внешней политики».

К 25 сентября Сталиным завладели мысли о советской оккупации этнической, в противоположность *de jure*, Польши. Он предложил новый обмен территорией с немцами на основании того, что, в то время как раздел территории с польскоговорящим населением может вызвать трения между Германией и Советским Союзом, немецкая сдача большей части Литвы в обмен на оккупацию почти всей этнической Польши уменьшит причины для напряжения между двумя партнерами. Конечно, такой обмен, более или менее навязанный рейху в момент его занятости на Западе, оставлял Германии единственное бремя удерживания в подчинении поляков, одновременно давая Красной армии более сильную и менее уязвимую оборонительную линию в Прибалтике против Германии.

В действительности, когда Риббентроп с большой неохотой прибыл в Москву 27–28 сентября со вторым визитом, он узнал весьма неприятные новости. Русские не только требовали для себя все польские нефтяные месторождения (несмотря на наличие своих собственных ресурсов, причем богатых, в отличие от рейха), но и намечали в ближайшем будущем военную оккупацию избранных латвийских и эстонских баз. Гитлер скрепя сердце принял эти условия, только настоял на выводе этнических немцев Прибалтики в качестве небольшого утешения за полный отказ от этих территорий, столь дорогих тевтонским крестоносцам прошлого.

Гитлер потребовал советской дипломатической поддержки, так же как военной и экономической помощи, чтобы поддержать или мирное наступление, или военное наступление против Запада. 28 сентября в официальном заявлении о решении польского вопроса Германия и Россия объявили, что отныне Великобритания и Франция будут нести ответственность за продолжение конфликта, а правительства СССР и Германии продолжат обсуждение мер, необходимых для прекращения конфликта. Как выяснилось, эта угроза, якобы обращенная к Западу, в будущем обернется против ее создателей в ходе их нелегкого взаимного сотрудничества.

Понятно, что общественное мнение на Западе пребывало в подавленном состоянии, но 1 октября Уинстон Черчилль бодро объявил, что создан, по крайней мере, «Восточный фронт, который Германия не рискнет атаковать». Новый первый лорд адмиралтейства сделал попытку развеять пессимизм, как и тот, что был свойствен американскому послу Джозефу Кеннеди, содержащийся в утверждении, что немцам придется охранять свои завоевания на востоке силами по крайней мере двадцати пяти дивизий. Потребовалось нечто большее, чем показной оптимизм в отношении неявных фронтов на востоке, чтобы защитить союзников на западе, что другие, менее смелые, чем Черчилль, фигуры вскоре осознали.

Подстегиваемые беспокойством относительно возможного успеха гитлеровского мирного предложения Западу от 6 октября, русские поспешно предъявили Финляндии претензии на территорию, прикрывающую в первую очередь подходы к крупному незащищенному порту и бывшей российской столице Ленинграду. В переговорах, продолжавшихся

несколько недель, советское правительство тщетно предлагало финнам для «спасения лица» уступки в Восточной Карелии в обмен на значительно более важные позиции на Финском заливе, позиции, чрезвычайно важные для финской обороны против Красной армии, также имеющие некоторое значение для советской обороны против немецкого флота. К несчастью для Финляндии, несмотря на давление внутри рейха, так же как и со стороны итальянцев, отклонение союзниками гитлеровских мирных предложений 12 октября укрепило решимость фюрера не задевать своих советских партнеров в этот исторический момент. В результате финнам пришлось противостоять Советскому Союзу без помощи единственной страны, которая могла обеспечить их эффективную защиту.

Признавая британскую угрозу Норвегии и желая создать немецкие военно-морские базы и на норвежском, и на советском арктическом побережье, адмирал Редер усилил и без того немалое давление на Гитлера, вынуждающее его поддерживать самые хорошие отношения с СССР. Уже 10 октября шеф немецкого военно-морского флота предложил Гитлеру использовать советское давление на Норвегию, чтобы приобрести военно-морскую базу в центральной части страны – в Тронхейме. Хотя эта идея так никогда и не материализовалась, Редер действительно приобрел временную базу на советской территории в районе Мурманска, арктический субститут, служивший немцам верой и правдой до тех пор, пока они не приобрели более удобные базы в Норвегии весной 1940 года.

Еще до отклонения мирного предложения, испытывая сильное сопротивление консервативно настроенных офицеров ОКХ, 9 октября Гитлер издал директиву № 6 о ведении войны на Западе. Вероятно, в самой талантливой из своих военных директив Гитлер выполнил исторический анализ отношений Германии с Западом и завершил его утверждением, что время благоприятствовало союзникам, особенно Великобритании, больше, чем Германии, которая теперь, находясь на пике силы, должна атаковать Францию через страны Бенилюкса, причем как можно скорее. Как заметил генерал-лейтенант (впоследствии фельдмаршал) Эрих фон Манштейн, один из авторов этой атаки, навязанной Гитлером сопротивляющемуся, даже, пожалуй, враждебному Генштабу армии, закат ОКХ уже начался. Ведь дело было в том, что «весна 1940 года была не только самой ранней, но и самой последней возможностью, когда Германия могла рассчитывать на успех наступления на Западе». Что же касается России, Гитлер был убежден, что ни один договор не может гарантировать постоянный нейтралитет СССР, но в течение следующих нескольких месяцев или даже лет Германия может рассчитывать на советскую пассивность, особенно если рейху удастся одержать много побед.

Оппозиция могла укреплять противодействие армии немедленному наступлению на Западе осенью 1939 года со стороны неподготовленных военно-воздушных сил. 15 октября Альфред Йодль написал: «Мы выиграем эту войну, хотя она может быть сто раз против доктрин Генерального штаба». Гитлер 27 октября вполне определенно приказал начать атаку на Западе в течение двух недель, но 5 ноября противодействие главнокомандующего армией генерала фон Браухича привело к ужасной сцене между ним и фюрером. После этой открытой стычки Браухич был слишком потрясен и запуган, чтобы взвалить на себя дополнительный груз участия в активном заговоре против Гитлера. Браухич привел Гитлера в ярость бестактным утверждением, что наспех созданная армия 1939 года не может сравниться в боевой выносливости и надежности с тщательно построенными вооруженными силами старого кайзеровского рейха.

Плохая погода в конце концов позволила полностью дискредитированному Верховному командованию армии неделю за неделей откладывать предлагаемое наступление на Западе, а прежнее доверие между Гитлером и армией так никогда и не восстановилось. Например, 23 ноября, в день, названный генералом Францем Гальдером днем кризиса, Гитлер заметил, что большинство его прежних политических линий сталкивались с противо-

действием многочисленных предсказателей бед, но в 1935–1938 годах ему снова и снова удавалось якобы невозможное. Своей аудитории, состоявшей из высокопоставленных военных, Гитлер заявил следующее: «Впервые за шестьдесят семь лет должно быть ясно, что нам не придется вести войну на два фронта. То, к чему мы стремились с 1870 года и считали недостижимым, стало явью... Но никто не знает, как долго такое положение будет сохраняться. Сейчас Восточный фронт [в Польше] удерживается только несколькими немецкими дивизиями. Россия в настоящее время не опасна. Она ослаблена разными факторами. Более того, у нас есть пакт с Россией. Но пакты существуют, только пока они выполняют свое предназначение. У России есть далекоидущие цели, прежде всего она хочет укрепить свое положение на Балтике. Мы можем противостоять России, только если свободны на западе. Кроме того, Россия стремится укрепить свое влияние на Балканах и хочет добраться до Персидского залива. Это также и цель нашей внешней политики. Непреложным является факт, что сегодня русская армия стоит немного. В течение следующего года или двух текущая ситуация сохранится».

Гитлер едва ли мог быть откровеннее относительно постулатов, подчеркивавших основное направление его политики – «разобраться» с Западом, прежде чем начать решительную кампанию на востоке, и благоприятная реакция большинства присутствовавших генералов на эту искреннюю тираду свидетельствует о проницательности и ловкости фюрера, сумевшего воздействовать на малодушных воинов.

В ту ночь главнокомандующий армией генерал фон Браухич решил подать в отставку, но фюрер ее не принял. Волей-неволей запуганным генералам пришлось продолжать подготовку к наступлению на западе, и, несмотря на все свои возражения, Браухич продолжал этой подготовкой руководить, вероятно, по большей части потому, что фюрер не мог найти для него более подходящей замены.

Двумя днями позже, 25 ноября, в намного менее откровенной дискуссии с гроссадмиралом Редером, Гитлер развил идеи, высказанные им перед генералами, заявив: «Пока Сталин у власти, определенно Россия будет придерживаться заключенного пакта. Ее политическое отношение может измениться после нескольких лет наращивания ее внутренней мощи, особенно если Сталин будет свергнут или умрет». За две недели до этого Гитлер отклонил предложение Редера о покупке субмарин у русских на основании их низкого качества. Кроме того, он не желал, чтобы русские догадались о слабости рейха.

Переговоры между советским правительством и Финляндией зашли в тупик, и 30 ноября около 30 дивизий Красной армии, организованных в три армии, атаковали 9 финских дивизий, стоявших на советско-финской границе. Одновременно в финском пограничном городе Териоки было заявлено о создании спонсируемого Советами финского правительства-сателлита. Эта акция наводила на мысль о том, что русские предвидели быстрое и полное поражение Финляндии. В объяснении, данном правительству Германии 3 декабря, советский министр иностранных дел Молотов объявил, что быстрое решение финской проблемы было необходимо СССР для высвобождения сил, предназначенных для реализации основных советских целей на Балканах и в Черноморском регионе.

Западные державы, включая нейтральные Соединенные Штаты, шокированные столь быстрым использованием Сталиным пакта с нацистской Германией, во всеуслышание выражали свое недовольство тем, что президент Рузвельт назвал «ужасным насилием над Финляндией». Консервативное общественное мнение Великобритании и Франции было возбуждено еще больше. Немедленно начали строиться планы отправки военных грузов и других необходимых вещей ставшим чрезвычайно популярными финнам. Мировая реакция на неспровоцированное советское нападение достигла своей кульминации 14 декабря, когда СССР был исключен из Лиги Наций. Это была последняя попытка этой злосчастной организации поддержать *status quo*.

К счастью для финнов, их затянувшиеся переговоры с СССР дали время провести полную мобилизацию армии – 200 000 человек. В последний момент они приобрели некоторое количество противотанковых орудий *Ворог*, жизненно необходимых для применения против множества советских бронетанковых подразделений, которые вскоре были брошены на них. С другой стороны, у финнов почти не было самолетов и имелся в наличии только трехнедельный запас боеприпасов для полевой артиллерии. В этих категориях им больше нечего было противопоставить русским. Высокий боевой дух, сложный рельеф местности, приближающаяся зима и легкие полевые укрепления так называемой линии Маннергейма должны были дать финнам первоначальные преимущества, чрезвычайно неприятные для излишне уверенной в себе советской армии. Однако следует помнить, что в 1941 году тоже сверх уверенные в себе немецкие вооруженные силы после сравнительно умеренного продвижения вперед попросту застряли на бездорожье Северной и Центральной Финляндии и в Карелии.

В общем, на этом этапе рейх не мог предпринять никаких шагов, чтобы помешать советской активности в регионах, снова приписанных русским новой версией, увидевшей свет в 1939 году, Тильзитского договора 1807 года. Но немецкий флот, всегда приветствовавший сближение с Россией против Британии, благодаря растущему напряжению в Скандинавии получил редкую возможность преодолеть свое неблагоприятное географическое положение пленника Северного и Балтийского морей. В начале декабря голословные заявления норвежского нацистского лидера Видкуна Квислинга о том, что британцы уже планируют вторжение в Норвегию для помощи финнам, стали самым подходящим оружием, с помощью которого Редер мог заинтересовать Гитлера в немецких контрмерах, предположительно для предвосхищения действий англичан в Скандинавии. После некоторых колебаний 14 декабря Гитлер приказал создать в рамках ОКВ совместный штаб с участием представителей разных родов войск, который должен был рассмотреть методы захвата Норвегии. Редер еще не знал, что его фюрер нашел тайный, но эффективный ответ на открытое наступление Сталина к Балтике.

Уже 17 декабря стало очевидно, что советское вторжение в Финляндию – вовсе не легкая прогулка. Адмирал Редер почувствовал, что обнаружившаяся слабость работает на будущее усиление позиции Германии в переговорах с требовательными и уверенными русскими. Днем раньше активный сторонник десантных операций Уинстон Черчилль, оценив русскую угрозу на севере, пришел к другому выводу. Первый лорд адмиралтейства теперь выступал за высадку союзников в Норвегии, надеясь спровоцировать немецкую контратаку в водах, в которых предположительно господствует Королевский ВМФ. Хотя его с энтузиазмом поддержал ярый антисоветчик французский премьер Даладье, желавший, как и французская военная верхушка, отвлечь немцев с Западного фронта, 22 декабря британский кабинет большинством голосов проголосовал за операцию в Скандинавии, якобы для помощи финнам, только если норвежское и шведское правительства согласятся на такие меры. Столкнувшись с одновременными предостережениями немцев и русских, перепуганные скандинавские правительства отклонили все западные предложения о столь опасной помощи, и ничего не было сделано.

К началу последней недели декабря фиаско первой советской наступательной операции в Финляндии стало очевидным: только один из шести отдельных штурмов можно было с большой натяжкой назвать успешным. Советская армия подверглась первой из нескольких последовательных реорганизаций, ставших следствием ее впечатляющего провала. Массовые советские атаки были прекращены почти на весь январь 1940 года, на помощь трем армиям на Финском фронте прибыли еще две. Свидетельством озабоченности русских положением дел является и то, что генерал Тимошенко был назначен новым командиром *de facto* на Карельском перешейке недалеко от Ленинграда. Перед Рождеством Сталин телеграфиро-

вал Гитлеру: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть долгой и прочной».

Русские снова предъявили немцам большие требования, касающиеся поставки военной техники и оборудования для производства артиллерийских снарядов, без которых было невозможно сокрушить линию Маннергейма. Все это не осталось незамеченным на Западе. Советская армия быстро теряла престиж.

В конце декабря 1939 года Генеральный штаб немецкой армии следующим образом оценивал советскую армию: «По количеству – гигантский военный инструмент. <...> Организация, техника и средства командования неудовлетворительные, принципы командования хорошие, однако сами командиры слишком молодые и неопытные. Система связи плохая, транспорт плохой, войска неоднородные, нет личностей – простые солдаты добродушны, довольствуются очень малым. Боевые качества войск в *тяжелом* бою сомнительны. Русская «масса» не равна ни одной армии с современной техникой и совершенным командованием». События следующих полутора лет не дали немецкой армии оснований изменить эту нелестную оценку – даже наоборот, учитывая блестящие победы рейха в этот период.

3 января недовольство Муссолини близким сотрудничеством нацистов и русских вылилось в письмо, которое он направил Гитлеру. Это было одно из последних писем, направленных им Гитлеру, как равному, так сказать, коллеге-диктатору. Дав краткий обзор европейской ситуации, дуче перешел к вопросу договоров с Россией:

«Никто не знает лучше меня, имеющего к настоящему времени уже сорокалетний политический опыт, о том, что политика, даже революционная политика, имеет тактические крайности. Я признал Советы в 1924 году, в 1934 году заключил с ними договор о дружбе и торговом сотрудничестве. Я признаю, что, поскольку усилия Риббентропа по обеспечению невмешательства Франции и Британии оказались тщетными, вы избежали второго фронта. Не нанеся удара, Россия получила прибыль от войны в Польше и Прибалтике.

Но я, прирожденный революционер, не изменивший образ мыслей, утверждаю, что вы не можете постоянно жертвовать принципами вашей революции ради тактических крайностей определенного политического момента. Я чувствую, что вы не могли отказаться от антисемитского и антибольшевистского знамени, которое несли двадцать лет и за которое умерли многие ваши товарищи. Вы не можете отвергнуть ваше евангелие, в которое немецкий народ свято верит. Я считаю себя обязанным добавить, что дальнейшие шаги в ваших взаимоотношениях с Москвой будут иметь катастрофические последствия в Италии, где антибольшевистское единодушие, особенно среди фашистских масс, является абсолютным, твердым как скала и неделимым.

Позвольте мне верить, что этого не случится. Решение вопроса вашего жизненного пространства находится в России, и нигде более, в России, имеющей огромную территорию в двадцать один миллион квадратных километров и всего девять жителей на квадратный километр. Россия – отщепенец Европы. Несмотря на свое пространство и население, Россия – не сила, а слабость».

Муссолини завершил письмо цветистым выражением, о котором ему еще предстояло пожалеть в течение следующих двух-трех лет: «В день, когда мы уничтожим большевизм, мы будем верны нашим двум революциям».

Желая убрать русских с Балкан, очень нужный регион для немецкого бензина, русских традиций и итальянской гордости, 6 января гитлеровское ОКВ издало стратегическое исследование, которое одобряло движение русских на юг с Кавказа на Ближний Восток. Такие действия СССР, с точки зрения немцев, имели бы дополнительные преимущества, поскольку вовлекали русских в противоречия с англо-французскими силами, защищавшими нефтяные месторождения на Ближнем Востоке. Насколько серьезным был ярый антисоветчик французский генерал Вейганд, командовавший сильно «раздутыми» силами в Сирии, и француз-

ский Генеральный штаб в своем стремлении начать воздушные и военно-морские операции против советских кавказских нефтяных месторождений, сказать сложно, однако у ОКВ имелись все основания возбудить беспокойство русских в этом отношении. Хотя, конечно, это мог быть только неявный метод помощи финнам, так же как и защиты интересов рейха.

Надежды немцев и страхи русских относительно реакции Запада на советские неудачи в Финляндии еще более усилились 20 января 1940 года, когда Уинстон Черчилль 10 января 1940 года обнародовал заявление о том, что «финны дали всему миру возможность увидеть военное бессилие Красной армии и красных военно-воздушных сил». Через неделю ответ дала советская правительственная газета «Известия», изобразившая Черчилля злейшим врагом Советского Союза, а коммунистическая газета «Правда» предостерегла англо-французских империалистов против планов опасного расширения военных действий.

Страхи русских еще более ярко проявились в поспешной ликвидации Москвой финского марионеточного режима под руководством Отто Куусинена и в возобновлении 1 февраля наступления Красной армии против укреплений на Карельском перешейке, причем с привлечением значительно большего количества артиллерии. В то же время Сталин всячески старался напомнить немцам о его «великой службе рейху», выразившейся в продаже ему боевой техники, иначе недоступной для Германии из-за блокады. Сталин добавил, что, хотя советская инициатива встречена в штыки, англо-французское давление не заставит СССР изменить политику снабжения Германии. Гитлер был менее терпелив, поскольку теперь он надеялся избежать необходимости отдавать скомпрометированным русским давно обещанный немецкий тяжелый крейсер и даже чертежи военного корабля.

18 января французское правительство, добавив основания для обвинений «Правды», подчиняясь сильному политическому давлению внутри страны, предложило Лондону не только совместные действия против Нарвика и шведских месторождений железной руды, но также использование польских сил против советских баз в Арктике для помощи Финляндии. Подвергаясь постоянной критике внутри страны за бездействие, в начале февраля британское правительство все же исключило предложенную польскую атаку на советскую Арктику, ограничив то, что меланхолический генерал-лейтенант сэр Алан Брук назвал «дикими проектами» на второстепенных театрах военных действий, формированием так называемых добровольческих экспедиционных сил для Норвегии и Швеции. Вполне возможно, что приказ НКВД, датированный 12 февраля 1940 года, ликвидировать находившихся в их руках польских офицеров, был отдан именно под угрозой польской атаки на Петсамо. В этом случае, уже после того, как угроза союзников советской Арктике миновала, польские офицеры все равно были убиты.

Как обычно, несмотря на отчаянные призывы финнов, в начале марта норвежское и шведское правительства превратились в кошачью лапу союзнической стратегии, якобы направленной против России, а в действительности – против рейха. Тем не менее 16 февраля Гитлер, обеспокоенный ненужной гласностью в прессе союзников относительно его скандинавских планов, разозлился еще больше, когда британский флот освободил британских пленников с немецкого корабля, нелегально использовавшего прикрытие нейтральных норвежских вод для транспортировки пленников в Германию. Фюрер приказал своим не желавшим вмешиваться военно-воздушным силам и армии, а также более активному флоту подготовиться к вторжению в Норвегию под командованием его личного штаба в ОКВ. 1 марта была обнародована итоговая немецкая директива для проведения этой операции. Но неожиданное заключение мира между Финляндией и Советским Союзом 12 марта лишило Гитлера, так же как и союзников, официального повода для оккупации Норвегии.

Как доложил в Берлин посол Шуленбург, вероятно, СССР решил навязать свои условия Финляндии, опасавшейся полного завоевания, из страха оказаться втянутым в большую войну с Западом, к которой он был не готов. Даже если так, потери финнов, включающие

уступку более 10 % своей населенной территории, сопровождающуюся полным бегством оттуда населения, были неожиданно серьезными, и неудивительно, что финны с нетерпением ждали первой подходящей возможности все вернуть.

С другой стороны, в ходе зимней Финской кампании русские потеряли 200 000 человек; им также пришлось задействовать более 30 % своей авиации и армейских дивизий – только так могла быть одержана полная победа над финнами. При таких обстоятельствах Сталин посчитал целесообразным пойти на уступки морали Красной армии, и успешный командир советских наступательных сил генерал С.К. Тимошенко получил звание маршала и стал министром обороны вместо Ворошилова. Интенсивная тренировочная программа, более традиционные звания и дисциплина и, наконец, появившаяся 12 августа единая командная структура, предусматривающая подчинение политических комиссаров военным, – все это означало хотя и запоздавшее, но все же признание советскими руководителями уроков неудачной зимней Финской кампании.

Британцы и немцы ожидали, что победившие русские теперь оккупируют северные норвежские порты, и не ослабляли своего внимания к Финляндии. Представляется важным, что фюрер не разделял желание Редера позволить русским оккупировать норвежский порт Тромсё – лучше уж русские, чем британцы. Гитлер решил сам захватить Тромсё, так же как и Нарвик, поскольку не хотел, чтобы русские были так близко к рейху – в каких-то трех сотнях километров от полярного круга. Гитлеру было крайне неприятно советское наступление в Финляндии, и 18 марта он признался Муссолини, что только «крайняя необходимость» заставила его присоединиться к России, необходимость, от которой, как рассчитывал Гитлер, его избавит вступление Италии в войну.

Еще более раздражающим было поражение финнов для французов. 19 марта правительство Даладье ушло в отставку. При активной поддержке командующего французским военно-морским флотом адмирала Жана Дарлана новое правительство Поля Рейно потребовало обстрелять советские нефтяные месторождения в Баку, чтобы якобы не позволить немцам получить от русских этот жизненно важный продукт. Уже 28 марта Высший военный совет союзников, заседавший в Лондоне, отложил для дальнейшего изучения этот испорченный плод французского упорства, чтобы любой ценой, включая полное поражение, избежать войны на Западном фронте. Однако британцы, пытаясь спасти новое французское правительство, согласились установить минные поля, чтобы не позволить немцам использовать норвежские воды. Одновременно британцы согласились на то, чтобы союзники были готовы к ограниченным наземным операциям в Норвегии в том случае, если немцы ответят силой.

Встревоженное слухами о возможных враждебных действиях союзников, советское правительство поспешно задержало поставки зерна и бензина, жизненно важные для Германии, заговорило о трудностях с обещанной немцам военно-морской базы в Арктике и заверило британское правительство, что советская политика проводится независимо от немецкой. Однако советская политика претерпела очередную резкую перемену с началом высадки немцев 9 апреля вдоль побережья Норвегии. Экономические и военно-морские трудности, связанные с рейхом, как по волшебству, исчезли, и Молотов поспешил пожелать Германии успехов в проведении оборонительных мероприятий в Норвегии. Как всегда в период советско-нацистского сотрудничества, чем больше была угроза со стороны Германии, тем сердечнее было выражение лиц русских, обращенных к Берлину.

Уинстон Черчилль 11 апреля заверил палату общин, что вторжение Гитлера в Норвегию является такой же большой стратегической ошибкой, как захват Наполеоном Испании в 1807 году. В далекой перспективе потеря основной части немецкого надводного флота в этой операции, так же как и необходимость держать постоянный гарнизон из 300 000 немецких солдат, чтобы защищать свое весьма уязвимое завоевание, возможно, и подтвердили неосторожную реплику Черчилля. Вскоре гроссадмирал Редер признался, что не предвидел глав-

ной ожидаемой выгоды для рейха от захвата Норвегии, когда выступал за проведение этой рискованной операции, а именно огромного значения этой страны как базы для перехвата западных конвоев, идущих в СССР.

Такое будущее, вероятно, отвечало подсознательным устремлениям русофоба-фюрера, а не командующего военно-морским флотом Германии, который в первую очередь тревожился из-за своего главного противника на море. И именно Норвежская кампания, помимо этого раннего проявления растущей тяги Гитлера к ненужному распылению сил, впервые показала склонность к панике в трудные минуты у нового преемника почти столь же нервного Людендорфа в качестве военного диктатора рейха.

Очень странно, и это признавал сам Черчилль, но именно норвежское фиаско 10 мая привело его на вершину сального шеста Дизраэли в качестве премьер-министра с многократно увеличившейся властью над британскими военными при одновременно занимаемом им посту министра обороны. В то же время Гитлеру наконец удалось заставить своих переставших сопротивляться солдат напасть на Францию и страны Бенилюкса с преимуществом в силе, вызванным возможностью держать для номинальной охраны немецкого тыла в Польше от возможного нападения СССР только от пяти до тринадцати дивизий, причем не первоклассных. Отчаянный Шлифен наверняка не ставил так много на карту.

Через неделю после начала немецкого урагана на западе потрясенный скоростью и размахом собственных побед Гитлер уже обсуждал возможность предложения Британии условий мирного урегулирования. Он хотел потребовать от нее только возврата бывших немецких колоний. Повлияло ли это новое благодушное настроение на знаменитый приказ 24 мая, остановивший немецкие танковые дивизии, полным ходом идущие к Дюнкерку – единственному пути спасения британцев, сказать трудно. Несомненно одно: в беседах со своими генералами в это время Гитлер сравнивал Британскую империю с Римско-католической церковью – необходимым элементом западной стабильности – и не высказывал большого желания преследовать Великобританию и дальше. В любом случае основная масса британской армии на континенте сумела спастись на кораблях через Северное море, оставив, однако, на берегах Дюнкерка большинство своей техники.

Боевой дух фюрера оставался на подъеме на протяжении всей Французской кампании, и его приказ от 15 июня, сразу после взятия Парижа, демобилизовать около 40 армейских дивизий для укрепления немецкой военной экономики не показывает определенного намерения предпринимать новые операции до урегулирования проблем с Великобританией. Встретившись 18/19 июня с Бенито Муссолини, поздно и неудачно вступившим в войну, Гитлер еще больше унизил дуче, настояв на более легких условиях перемирия для французов за счет Италии. С другой стороны, закоренелый германофоб граф Галеаццо Чиано был исполнен восхищения Гитлером, считая его азартным игроком, который, к немалому собственному удивлению, сорвал большой куш, после чего ему предложили встать из-за игрового стола и больше не рисковать.

За несколько месяцев до своей высшей победы, осенью 1939 года, Гитлер, вероятно, обрисовал свою истинную позицию Вальтеру Шелленбергу. В том разговоре, в ответ на вопрос англофила Шелленберга, Гитлер якобы сказал: «Сначала я хотел работать вместе с Британией. Но англичане отвергали меня снова и снова. Понятно, что нет ничего хуже семейной ссоры, а с расовой точки зрения англичане являются в каком-то смысле нашими родственниками... Жаль, что мы втянуты в эту смертельную борьбу, в то время как наши истинные враги на востоке могут просто сидеть и ждать, пока силы Европы иссякнут. Вот почему я не хочу уничтожать Британию и никогда не сделаю это, – здесь его голос стал резким и пронзительным, – но их всех, даже Черчилля, надо заставить понять, что у Германии тоже есть право на жизнь. И я буду бороться с англичанами до тех пор, пока они не пере-

станут важничать. Настанет время, когда они будут готовы заключить с нами соглашение. Это моя истинная цель».

В середине июня 1940 года Гитлер вполне мог верить, что с уничтожением французской военной машины на западе соглашение с англичанами стало возможным и, как он некогда предсказывал, у него будут развязаны руки для претворения в жизнь своего давнего страстного желания уничтожить большевистскую Россию на востоке.

Глава 3 «АУФБАУ-ОСТ», ИЛИ «СОСРЕДОТОЧЕНИЕ НА ВОСТОК» 14 июня – 14 ноября 1940 г.

Сотрудничество, установившееся между прусскими королями и русскими царями ради возвышения каждого, не может продолжаться долго. Их возвышение, поскольку они являются близкими соседями, сделает их ненадежными в глазах друг друга. Оно спровоцирует зависть между ними, которая вскоре перерастет во враждебность.
Верженн, 1786 г.

Путь к искуплению открыт для Германии. Сражаясь с большевизмом, став оплотом против него, Германия сделает первый шаг к конечному воссоединению с цивилизованным миром.
Черчилль, 1919 г.

С одной Англией [в союзе], когда спина прикрыта, можно начинать немецкое вторжение в Россию.
Гитлер, 1924 г.

Теперь я могу все.
Наполеон
после Тильзита

Намерение Гитлера развить на востоке преимущества краха Франции, вероятно, стало известно генералам Рундштедту и Йодлю еще до конца немецкой кампании на западе. В любом случае уже шло автоматическое восполнение баланса сил.

На второй неделе июня 1940 года, вопреки протестам армейского Генерального штаба, президент Рузвельт приказал передать более 20 % артиллерийских резервов армии Соединенных Штатов, причем несмотря на проблематичное будущее этой героической нации и официальный нейтралитет США, все еще имевший силу. Что касается позиции Советского Союза после падения Парижа, согласно неосмотрительным словам советского посла в Швеции госпожи Коллонтай, теперь «в общих интересах европейских стран занять оппозицию в отношении германского империализма. Стало очевидно, что немецкая угроза значительно больше, чем считалось ранее».

В конце мая, озаботившись сбором советских войск против Румынии, Гитлер, вероятно, вовсе не был доволен адресованным итальянцам открытым советским предостережением от 6 июня, предлагающим не вмешиваться в этот благоприятный момент в войну на Балканах. Ожидали немцы этого или нет, но быстрое установление русскими контроля над правительствами балтийских государств 15–19 июня отражало намерение Москвы воспользоваться хотя бы остатками немецкой кампании на западе. А комплименты министра Молотова относительно «блестящего успеха» немецкой армии во Франции никоим образом не ослабили шок, когда 23 июня русские потребовали немедленной уступки Румынии, причем не только Бессарабии, приписанной ей соглашениями 1939 года, но также провинции Буковина, не рассматриваемой в 1939 году как возможная сфера влияния СССР.

За довольно-таки неловкими советскими опровержениями того, что восемнадцать – двадцать дивизий Красной армии, отправленные в балтийские государства, находятся там

как угроза рейху, последовала частичная сдача позиций по вопросу Буковины. Южная половина этой провинции, густонаселенной этническими немцами, была оставлена немцам, а остальная ее часть 28 июня была оккупирована советскими войсками. Тем не менее итальянский министр иностранных дел граф Чиано отметил: «Столицей, в которой концентрируются все нити заговора против немецкой победы, является Москва. Ситуация выглядела совершенно иначе, когда в августе и сентябре 1939 года большевики подписывали пакты с нацистами. В то время они не верили в триумф Германии».

Веком раньше австрийский министр иностранных дел граф Меттерних предостерег обеспокоенного царя против возвеличивания за счет мелких безобидных соседей, тем самым ликвидировав оплот безопасности России против Наполеона. Черчилль оптимистично предположил 27 июня: «Если Гитлер не сможет разбить нас здесь, он, возможно, повернет на восток. На самом деле он может это сделать, даже не прибегая к вторжению [в Великобританию], чтобы найти использование для своей армии и ослабить зимнее напряжение». Короче говоря, русские больше не могли обижать своих малых соседей, если, конечно, не хотели нажить себе новых врагов.

Более пессимистичный, чем фюрер, барон фон Вайцзеккер 30 июня заявил: «Возможно, Британии потребуется еще одна демонстрация нашей военной силы, прежде чем она развяжет нам руки в Восточной Европе». На следующий день Сталин принял нового британского посла сэра Стаффорда Криппса, доставившего послание от Уинстона Черчилля, касающегося угрозы германской гегемонии для периферийных европейских держав – Великобритании и Советского Союза. Несмотря на свой последующий лживый доклад об этой встрече немцам, Сталин вроде бы признал в беседе с Криппсом серьезность немецкой угрозы, но снова озвучил свое намерение избежать конфликта с рейхом, даже если это приведет к тому, что Советскому Союзу придется в одиночестве сражаться с Германией в 1941 году.

Днем позже, 2 июля, когда Гитлер без особого желания отдал приказ готовиться к вторжению в Великобританию, генералу Гальдеру было поручено обдумать операцию вторжения в Россию, которая должна была заставить ее признать доминирующее положение Германии в Европе. Уже 3 июля Гальдер записал, что стратегическим вопросом момента является следующий: «Англия или Россия?» В послевоенном анализе одного из первых участников планирования операции против России фельдмаршала Фридриха Паулюса говорится об опасении Гитлера, что любая попытка вторгнуться в Британию, не важно, успешная или нет, будет неизбежно препятствовать его шансам ведения кампании на востоке. И решающим летом 1940 года огромная антипатия фюрера к Советскому Союзу явно перевесила его более или менее выраженную враждебность к Великобритании.

В то время как жестокое нападение британцев на теперь нейтральный французский флот в Орне 3 июля, возможно, уменьшило надежды Гитлера на мир с Великобританией, он оставался сравнительно безразличным к недавним добровольным предложениям помощи в ведении войны со стороны японцев, испанцев и французсов Виши, как и к попыткам Муссолини заручиться одобрением Германии на разные итальянские смелые инициативы в Средиземноморье. 11 июля Гитлер согласился с гроссадмиралом Редером, что вторжение в Великобританию через Канал должно состояться только в качестве последнего средства, а двумя днями позже фюрер в конце концов нашел в том успешное решение дилеммы: теперь оказалось, что именно надежды Великобритании на советское вмешательство поддерживали ее иначе необъяснимое нежелание заключить мир. Это якобы расстроило Гитлера, на том основании, что Япония и Америка, а вовсе не рейх, выиграют от пролития германской крови ради завоевания Британии и распада Британской империи. На деле, как показывает одновременно отданный Гитлером приказ о замедлении идущей в Германии демобилизации, беспокойство фюрера о судьбе Британской империи было главным образом прикрытием. Ему было необ-

ходимо найти предлог для собственного штаба, чтобы оправдать новую широкомасштабную кампанию против Советского Союза.

Гитлеровская амбивалентность по отношению к Британии вновь проявилась, когда 16 июля он добавил к указанию вторгнуться в Британию, «если необходимо», публичное обращение 19 июля к рейхстагу положить конец войне с англичанами. В своей впечатляющей речи фюрер заявил, что ему «почти что» больно уничтожать империю, которой он никогда не имел намерения повредить. Он не видел «причин, по которым эта война должна продолжаться», если британцы готовы пожертвовать Уинстоном Черчиллем и своей долей бывших немецких колоний.

Убедившись в отсутствии ответа англичан на его мирное предложение и постоянно помня о своих собственных сомнениях, касающихся «очень опасного» вторжения в Британию, Гитлер 21 июля рассказал о своих идеях армейской верхушке. Несмотря на признание фюрера в том, что нет никаких признаков агрессивности русских по отношению к Германии, все же предполагаемое заигрывание Сталина с Британией, якобы ради выигрыша времени и территории, было названо Гитлером истинной причиной начала планирования нападения на Советский Союз осенью 1940 года.

На следующий день генерал Гальдер был проинформирован, что фюрер приказал собрать от 80 до 100 дивизий в течение следующих четырех – шести недель. Он хотел сокрушить Красную армию (силы которой оценивались как 50–75 дивизий) и, кроме того, проникнуть в глубь территории Советского Союза достаточно далеко, чтобы предотвратить воздушные атаки русских на рейх и позволить люфтваффе бомбить промышленные предприятия Урала. В качестве политических целей Гитлер наметил доминирование Германии в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Фюрер признал, что такая кампания этой осенью ослабит текущие воздушные налеты на Британию, но уже приступил к обсуждению с гроссадмиралом Редером перспективы, устраивающей обе стороны, отложить приобретающее все более гипотетический характер вторжение в Британию до мая 1941 года.

В течение следующей недели, пока Гальдер обсуждал возможность выступления сотни немецких дивизий на Москву и захвата с этой центральной позиции Украины, фельдмаршал Кейтель убедил фюрера, что с точки зрения логистики невозможно вовремя вернуть немецкую армию из Франции для начала кампании осенью того же года. Как молодой Мольтке был вынужден объяснить кайзеру Вильгельму II в 1914 году: переброска нескольких миллионов человек не может производиться без подготовки и в последний момент, какими бы неотложными или благоприятными ни были политические обстоятельства.

29 июля генерал Йодль сообщил новость о намерении Гитлера напасть на Россию в 1941 году полковнику Вальтеру Варлимонту и его штабу в ОКВ. На вопросы шокированных военных относительно возможности такого нападения до победы над Англией Йодль дал весьма неубедительное объяснение. Он сказал, что мотив фюрера – собрать больше сил для покорения Великобритании, разгромив Красную армию, тем самым якобы высвободив людей и технику для переправы через Канал осенью 1941 года, то есть сразу после завершения русской кампании. Наконец, Йодлю пришлось сказать скептикам из штаба ОКВ, что фундаментальное намерение напасть на СССР в 1941 году больше не является предметом обсуждения. Гитлер уже принял решение. Верховному командованию армии (ОКХ), которое предпочло бы нанести «решающий удар» по Великобритании на относительно безопасном Средиземноморском театре, вместо этого пришлось поручить бригадному генералу Эриху Марксу (удивительно подходящая фамилия!) планирование русской кампании в следующем году. В этот период гроссадмирал Редер и его военно-морской флот оставались в неведении относительно восточных планов.

31 июля, встретившись с армейской верхушкой в Бергхофе, Гитлер, дождавшись ухода Редера, изложил свои предложения относительно России в подробностях. Он снова назвал

операцию оправданной, потому что «Россия является фактором, на который Британия определенно делает ставку. Что-то случилось в Лондоне. Англичане были совершенно подавлены. Теперь они снова воспрянули духом».

Далее Гитлер сказал:

«Однако, если Россия будет разбита, тогда последняя надежда Европы исчезнет. Германия окажется хозяйкой Европы и Балкан.

Решение: в ходе этого противостояния с Россией должно быть покончено весной 1941 года.

Чем быстрее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция имеет смысл, только если мы сокрушим государство одним сильным ударом. Одного только завоевания территории недостаточно. Остановка зимой опасна. Поэтому лучше подождать, но принять твердое решение разгромить Россию. Это необходимо и в связи с ситуацией на Балтике.

Никому не нужна вторая великая держава на Балтийском море: май 1941 года. Пять месяцев на выполнение. Предпочтительная тишина в этом году. Однако невозможно, если придется выполнять как одну операцию.

Цель: уничтожение жизненной энергии России.

Прорваться в:

Первая атака: Киев, остановка на Днепре. Люфтваффе уничтожают переправы. Одесса.

Вторая атака: балтийские государства в направлении Москвы.

В завершение схождение с севера и юга. Позднее специальная операция против бакинских нефтяных месторождений. В какой степени будут заинтересованы Финляндия и Турция, будет видно».

В заключение Гитлер решил увеличить армию на 50 дивизий, таким образом доведя численность, используемую в Восточной кампании, до 120 дивизий, оставив 60 дивизий охранять его завоевания на западе. Фюрер сделал над собой усилие и заметил, что чем больше дивизий вторгнутся в Россию, тем лучше. В отличие от недавно завершенной операции на западе в кампании на востоке не должно быть ограничений, по крайней мере по стандартам гитлеровского рейха.

Что касается утверждения Гитлера о том, что Советский Союз – это страна, на которую в основном надеется Великобритания, американский посол Джозеф Кеннеди высказал такой же циничный, хотя и несколько более искренний взгляд, когда 31 июля отправил из Лондона в Государственный департамент США телеграмму следующего содержания: «Не позволяйте никому совершить ошибку; эта война, с точки зрения Великобритании, ведется устремив взоры только в одну сторону – к Соединенным Штатам Америки. Они понимают, что, если не произойдет чуда, в перспективе у них нет шансов». При таких обстоятельствах сталинская осторожность летом 1940 года так же понятна, как и излишняя уверенность Гитлера в Восточной кампании.

1 августа генерал Гальдер изложил генералу Марксу основные положения будущей кампании в России, подчеркнув и главный удар в направлении Москвы, и определенную логистическую слабость, присущую любой атаке из Румынии на Украину. Гальдер всегда уделял меньшее значение операциям на периферии для того, чтобы они с самого начала не сказались на главном ударе – на русскую столицу. Следует отметить, что акцент, сделанный Гальдером на Москву, мог войти в потенциальное противоречие с заявлением Гитлера от 31 июля о том, что первая и вторая атаки немцев будут против Украины и Прибалтики, а в Москве они сойдутся лишь позднее.

План Маркса, переданный ОКХ 5 августа, в основном воплощал взгляды Гальдера, видевшего главной целью Москву, а атаки в Прибалтике и на Украине рассматривались как второстепенные. Маркс наметил развертывание 147 немецких дивизий, организованных в

пять армий, три из которых будут находиться севернее Припятских болот. Планом предусматривался выход немцев на линию Москва – Ленинград через шесть – двенадцать недель. Для достижения конечной цели – линии Архангельск – Горький-Ростов, по его оценке, требовалось девять – семнадцать недель, в зависимости от силы сопротивления русских. В одном отношении план Маркса оказался довольно реалистичным: по немецким оценкам, Красная армия насчитывала около 150 дивизий, которые она могла выставить против немцев и финнов. Маркс же считал, что русские предпочтут занять передовые позиции, тем самым дав немецкой армии возможность уничтожить Красную армию раньше, чем она сумеет отступить в глубь территории СССР.

Сразу после передачи своего плана командованию генерал Маркс обсудил его с генерал-майором Эрихом Кестрингом, весьма компетентным германским военным атташе в России. Тот поклялся держать план в тайне от своих начальников – русофилов, таких как посол Шуленбург. Кестринг не согласился с тем, что взятие Москвы станет решающим фактором в поражении Красной армии. Он слишком долго имел дело с Россией и знал, что советские ресурсы за Уралом, так же как и русская смекалка, и способность русских экспромтом создавать новые связи, позволят им выжить после потери столицы, хотя она и является центром связей такого опасно централизованного государства, как Советский Союз. Кестринг признал, что Красной армии потребуется не меньше четырех лет, чтобы оправиться от сталинских чисток. В будущем отдельные аспекты аргументов Кестринга окажутся бесценными для Гитлера в его спорах с ОКХ.

Первая директива, касающаяся логистической подготовки операций в Советском Союзе, получила кодовое название «Ауфбау-Ост», или «Сосредоточение на восток», и была издана 9 августа. Правильно оценил гроссадмирал Редер ее значение или нет, но он в любом случае должен был почувствовать, что ветер подул в другом направлении, когда 13 августа получил информацию о том, что фюрер требует усиления оборонительных сооружений и развертывания дополнительных сил армии в Северной Норвегии на случай атаки русских. Немецкая армия, как было сказано Редеру, займет ценные никелевые месторождения в районе Петсамо в случае возобновления русско-финского конфликта. Операция в районе Петсамо получит кодовое название «Рантье». В ней примет участие 2-я горная дивизия с новой передовой базы в Киркенесе – в Норвегии на финской границе.

На следующий день генерал Томас, глава армейского ведомства экономики и вооружений, не поддерживавший нацистов, получил сообщение рейхсмаршала Геринга о том, что фюрер намерен поставлять военную технику и оборудование в Советский Союз только до весны 1941 года. Это «указание», каковым посчитал его Томас, касающееся глубоко засекреченного будущего, подсказало необходимость обеспечить приоритет поставкам, предназначенным для вполне безобидно звучащей операции «Ауфбау-Ост». Он был прав, поскольку подготовка к альтернативной конкурирующей операции «Морской лев» – вторжению в Великобританию – все чаще сталкивалась с трудностями ввиду явного безразличия фюрера и Редера и активного сопротивления Королевских ВВС.

18 августа один из агентов Геринга получил разрешение отправить запасы и персонал люфтваффе через Финляндию в Северную Норвегию, и одновременно рейху предоставлялся опцион на финских никелевых шахтах, теперь столь желанных для Советского Союза. Взамен финны получили военные грузы из Германии. Желая приобрести союзника для прикрытия своего северного фланга, Гитлер уже перешел от идеи защиты Финляндии против советской угрозы к намерению вознаградить финнов всей восточной частью Карелии, если они помогут Германии перерезать жизненно важную железную дорогу в Мурманск.

Аналогичная тенденция к нацистскому вмешательству против СССР на немецком фланге Балкан стала очевидной в середине августа 1940 года, хотя первоначально была только средством держать и русских, и итальянцев подальше от этого района. Желая оправ-

даться перед Риббентропом, вся внешняя политика которого строилась на германо-советском пакте 1939 года, Гитлер безосновательно заявил, что, если русские возобновят свои претензии насчет Румынии, угроза, нависшая над нефтяными месторождениями в Плоешти, сделает рейх зависимым от доброй воли Сталина для дальнейшего ведения войны.

Как выяснилось, желание венгров захватить у слабой Румынии Трансильванию дало Гитлеру хороший повод для германского вмешательства. 28 августа он разъяснил графу Чиано, что война между Венгрией и Румынией обязательно скажется на импорте странами оси румынского бензина. Более того, такой конфликт может спровоцировать советское нападение на Балканы, «если позволят обстоятельства». Учитывая такие возможности, фюрер уже укрепил гарнизон в Польше двенадцатью новыми немецкими дивизиями, включая две бронетанковые дивизии на юге, удобно расположенные для быстрой переброски в Румынию в случае советского наступления в этом направлении. Серьезность намерений Гитлера помешать любым действиям СССР видна и из его приказа, отданного в это же время, который избавил силы для якобы неминуемого вторжения в Великобританию от нескольких сотен самолетов, чтобы быстрее укрепить войска для румынской операции, если таковая потребуется. Гитлер считал, что «Морской лев» вполне может подождать.

После того как навязанный странами оси диктат разделил Трансильванию между Венгрией и Румынией, 31 апреля немецкий посол в Москве получил неблагодарное задание объяснить этот односторонний акт стран оси раздраженным русским. Аргумент Риббентропа, гласящий, что поскольку СССР уже удовлетворил свои требования касательно Румынии, то не может возражать против германской гарантии границ оставшегося государства, вероятно, был для него лучшей линией поведения.

Тем не менее на следующий день, отвечая послу Шуленбургу от имени советского правительства, министр иностранных дел Молотов заявил, что Германия нарушила пункт 3 пакта с СССР. Это статья, требующая взаимных консультаций между двумя сторонами, прежде чем одна из них предпримет какие-либо действия в Восточной Европе. На это Риббентроп возразил, что русские в июне 1940 года оккупировали территорию, предназначавшуюся рейху, и что он получил лишь короткие уведомления об оккупации русскими Бессарабии и Северной Буковины, несмотря на то что в этих провинциях живет много этнических немцев. Однако было очевидно, что масло уже выплеснуто в огонь. Как впоследствии с присущей ему язвительностью написал граф Чиано: «Мечты русских рассеялись навсегда». Это стало результатом решительной нацистской интервенции в Румынию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.